

Ярослав Веров

Небо
без звезд

Снежный Ком: Вакцир

Ярослав Веров
Небо без звезд

«Снежный Ком»

2020

Веров Я.

Небо без звезд / Я. Веров — «Снежный Ком», 2020 — (Снежный Ком: Backup)

На пути к мировому господству исчезли с лица Земли древняя Ассирия, Римская империя и Третий Рейх. Исчезли, потому что утратили Источник Силы. Потом настал черед Ирака. Даже восстановление Вавилона не помогло Саддаму Хусейну избежать казни. Хотя никто не доказал, что казнили именно его, а не двойника. В любом случае, и Хусейн утратил Источник Силы, который достался отнюдь не американцам. Ради того, чтобы завладеть им, команда русских разведчиков-диверсантов отправляется на Ближний Восток. Очень странная, надо сказать, команда. Ведь из троих разведчиков один — обыкновенный супермен, другой — пришелец из параллельного мира, а третий — абсолютный бессмертный. На их пути становятся американские коммандос, израильские спецслужбы и, наконец, боги древнего Вавилона, но русских никто не может остановить! Разве только Завхоз Вселенной...

Ярослав Веров

Небо без звёзд

1

Гроза собиралась ещё с вечера. Непрошенная гостья по какой-то неведомой причине забрела в Москву из будущего мая. Темная, брюхастая туча наплыла на красное закатное солнце, всё зримое пространство сделалось свинцово-серым, и пролился дождь.

Когда же стемнело, померкло, и всё погрузилось в отчаянную тьму, ударил гром и засверкали молнии.

В домашней студии, устроенной в квартире одного московского продюсера, сидел его приятель, малоизвестный композитор Игорёк и выводил на синтезаторе мрачные средневековые гимны. По телевизору в прямом эфире показывали бомбардировку Багдада, древнего и славного города. На экране были лишь вспышки зарева на зелёном фоне, который возникает при съёмках камерой ночного видения. А в самом Багдаде шёпотом небесным или негромким вздохом ветра спускались к земле бомбы высокоточного наведения, неяркие огоньки плыли в небе, клонясь вниз – крылатые ракеты шли на цель. Каркали очередями автоматические зенитные пушки, тщетно посылая трассеры в непроглядное мёртвое небо. Бесперывные вспышки над бомбардируемыми казармами национальной гвардии и зданиями комплекса президентского дворца, над жилыми домами, под которыми по предположениям противника находились секретные бункеры, нисколько не рассеивали окружающую тьму. Словно гроб – покойника, обступила она гибнущий город.

Сегодня, первого апреля закончилась стратегическая пауза, взятая американской армией для передислокации войск на багдадском направлении, и ближе к полуночи командующий Центральным командованием ВС США Томми Фрэнкс получил от Пентагона разрешение начать наступление на Багдад по своему усмотрению, в зависимости от обстановки на поле боя.

Время от времени Игорёк прерывал игру, чтобы приложиться к стакану мартини. Глоток – и мрачная, вязкая григорианская мелодия вновь гремит в стенах квартиры. В неё вплетаются разрывы тяжелых американских бомб: звук телевизора выведен на полную мощность.

Окно открыто, холодный ветер и дождевые капли врываются в комнату. Вдруг всё смолкает, свет гаснет. Вспыхивает молния, гремит гром, затем тишина и – гулкие удары в дверь.

– Кто там? – спросил Игорёк.

– Откройте, очень надо! – послышалось из-за двери.

Приговаривая «надо так надо», Игорёк открыл.

В тёмном, совершенно тёмном дверном проёме стоял человек в плаще и подсвечивал своё лицо карманным фонариком, тонким, как карандаш.

– Здравствуйте, – сказал человек. – Меня зовут Теодорих Второй. Второй, потому что Первый – это совсем другой Теодорих. Вы не бойтесь, он к вам не придёт. Он только к грудным младенцам и беременным женщинам ходит. Так надо, понимаете?

– Ну? – непонимающе произнёс Игорёк.

– Так мне можно войти?

– Валяй.

Электричества по-прежнему не было, поэтому Игорёк зажег в комнате две свечи. Одна – сувенирная, в виде зайчика, вторая обыкновенная, витая.

Теодорих, не снимая, к слову сказать, совершенно сухого плаща, уже расположился на диване.

– Скажите, Игорь, вы верите в бессмертие души? – спросил он.

– О, – поморщился Игорёк. – Опять...

– Разве к вам уже обращались с этим вопросом? – удивился Теодорих.

– На улице, бывает, пристают сектанты всякие.

– Я вас понял. Тогда такой вопрос: вы отдаёте себе отчёт, что человек есть микрокосм, а его душа гостя в этом мире?

– Ну.

– Очень хорошо. Я так и думал. Идём дальше. Вы, само собой, понимаете, что вы, Игорь Святополкович, являетесь уникальной сущностью, частью мироздания?

– Короче... – хотел было прервать Теодориха Игорёк. Но, не найдя предлога остановить разговор, смешался. – Выпить хочешь?

– Нет, вы прямо мне скажите – понимаете или нет?

– Упорный ты какой-то. Ну, пускай понимаю. Дальше что?

– А вот что.

Совсем рядом блеснула молния и громыхнул пушечный раскат грома.

– А вот что, – повторил Теодорих. – Дело в том, что вот вы часть Вселенной, а я в ней – завхоз. Завхоз по телам. Вот что. А пришел я по следующему делу. Срок аренды вашего тела истекает сегодня в полночь. Так что, попрошу освободить занимаемый вами организм по истечению вышеуказанного срока, чтобы не случилось накладки. Вот.

– Ну и как мне его освобождать? – спросил Игорёк.

– Как обычно все это делают. Ничего такого особенного здесь нет. Дело, как говорится, нехитрое.

– Ну, а если не освобожу?

– Будут приняты санкции. Аренда – дело нешуточное. Арендуя тело, вы берёте на себя большие обязательства. Очень большие.

– Так ты это, по душу?

– Не совсем. С душой я дел не имею. Повторяю: я – завхоз по телам. Я за порядком с телами слежу. В вашем арендном договоре обозначено – до полуночи. Извольте исполнять. Сами ведь подписывали.

– Когда же это я успел?

– Что значит "когда"? Да вы решили шутить надо мной? Обидно. В своё время, неважно кем тогда вы были и где были, вознамерились посетить этот подлунный мир. А без договора кто же вас сюда пустит? У нас, знаете ли, порядок. Каждый живой организм на учёте. Каждое тело.

– Тело?

– Тело – это инвентарь. И его надлежит сдать завхозу, то есть мне. Посудите сами. Вы не сдаёте в обозначенные сроки. А кто-то, уже подписавший договор на ваше тело, не может им воспользоваться. А вдруг как раз он рассчитывает существовать именно в текущую эпоху, а не когда-нибудь? Вы представляете себе, какой возникнет скандал? Я уже не говорю о собственных неприятностях. Нет, молодой человек, так себя вести не годится.

– Не, ну это наглость. Требует, блин... Я ещё пожить, может быть, хочу, – проворчал Игорёк.

– Все хотят. Почему-то мало кто из арендаторов следует букве договора. Но на то я и завхоз, чтобы пресекать.

Теодорих извлёк из нагрудного кармана флакончик, откупорил, и по комнате, мешаясь с запахом грозы, поплыл приторный аромат.

Игорёк вдохнул пару раз, в голове зашумело. Теодорих удовлетворённо цокнул языком.

– Ну, всё. Побежал дальше. Дел невпроворот. Вы за мной там закройте.

Игорёк проводил гостя до дверей, а когда вернулся в комнату, там уже сидел новый субъект. Длинный, худой, циркулем сложился в кресле. Лицо вытянутое, с маленькими усиками,

голубые, как и у Игорька, глаза, сросшиеся брови и крупный горбатый нос. Одет в точности как Теодорих, только цвет плаща у того был зелёный, а у этого – белый.

Гость взглянул на Игорька и широко, без сомнения – притворно, улыбнулся.

– Ушёл? – спросил он.

– Какого лешего?

– Давал нюхнуть? – делово поинтересовался гость. – Ну, это всё давно устарело. Дремучие методы у хозчасти, дремучие.

Гость рассмеялся. Игорьку подумалось, что этот гость совершенно не любит того.

– Ты вор, – сказал Игорёк как можно более развязно.

– Ну-у, чушь собачья.

– Через лоджию забрался.

– Предположим.

Тут Игорёк сообразил, что уже горит свет, и вспомнил, что электричество появилось, когда он провожал Теодориха.

Игорёк включил телевизор и сел за синтезатор. По телевизору Си-Эн-Эн транслировало пресс-конференцию четырехзвёздочного генерала Кларка, командующего оккупационной американской группировкой в Ираке. Игорёк взял первый аккорд, прислушался. Начало ему понравилось, он облизал губы и стал наигрывать очередную тоскливую мелодию.

– О! Мусия! Мусическое искусство! – оживился гость. – Я представлюсь. Хомоед. Не первый, не второй. Просто Хомоед. Второе мое имя – Джафар. Весёлый Джафар, если угодно. Но у вас такого стиля именованья не понимают. Здесь я Хомоед. Очень хороший аккорд, впечатляет. Композитор, значит? Служитель муз? Чудные звуки извлекает твоя гармошка. Ты прервись, мил человек. А то завхоз тебе срок дал, а время-то убегает.

Слова Хомоеда Игорёк пропустил мимо ушей. Прерывать сочинение, вдохновляемое плаксивым героизмом американца, не хотелось, синтезатор пел, как азиатская виолончель "ачаркын".

– Этот прохвост тебе о Вселенной говорил и на твоё тело покушался? – спросил Хомоед, нимало не смущённый показным равнодушием Игорька. – Ну конечно говорил, о чем ему ещё говорить. У него в голове лишь отчётная документация. Вот что я тебе скажу – ты оставлять тело не спеши. Не так страшен завхоз, как его малюют. Дело в том, что Вселенная и в самом деле необозрима. Ну, очень обширная Вселенная. Чего в ней только нет. Конечно, любому мыслящему существу хочется много знать и много видеть. Но только не человеку. Людей бесконечность пугает. Понимаешь о чём я, человек?

Хомоед сделал паузу, покивал в такт игорьковой мелодии и продолжал:

– Поэтому все спешат сюда, в тесный и угрюмый мир. Торопятся обзавестись телом. Даже не смотрят, как оно поведёт себя во время использования. Особенно женщины потом возмущаются. А чего возмущаться? Женщины – самые торопливые из человеков. Так что не спеши оставлять тело. Оно у тебя, вижу, крепкое. Завхоз тебе, само собой, не поведал, что тело можно не только в аренду брать, но и насовсем? Об этом говорить как-то не принято, словно это прыщик на носу. Ты всё же прервись, разговор-то серьёзный.

Игорёк прервался. Не потому, что этого хотелось гостью, а потому что в комнату вошли Артемий со своей шалавистой Зимудей. Квартира на проспекте Вернадского, в которой творил Игорёк, принадлежала именно Артемию, продюсеру нескольких успешных ФМ-каналов. Квартиру Игорьку, своему студенческому приятелю и заодно главному музреду его самого успешного канала – «Гип-Гоп-радио» он предоставил в практически полное пользование. Сегодня они договорились вместе, втроём завалиться в ночной клуб "Золотой Сверчок". Их пригласил Масюля, тоже фм-продюсер, мнящий себя конкурентом Артемия. Масюля устраивал в "Сверчке" презентацию и желал упиться завистью конкурента, выведя на сцену толпу звёзд отечественного шоу-бизнеса.

Хомоед кивнул Артемию, как старому знакомому, поклонился рыжей бестии Зимуле и представился:

– Весёлый Джафар.

– Чечен? – равнодушно спросил Артемий.

– Нет, Хомоед. На Земле я всюду работаю. И в Африке, и в Гренландии. В Антарктиду заглядываю.

Артемий дыхнул на брильянт в перстне и потер его о рубашку. Оттопырил мизинец, полюбовался блеском камня.

– Пошли дерябнем, охламоны, – предложила Зимуля. И потянула Артемию в столовую.

В столовой, столь же обширной, что и, так сказать, творческая лаборатория, Зимуля скакнула за стойку бара и принялась делать коктейль. Следом зашёл Хомоед, осмотрелся и поместил себя на диван. Колени задралась чуть ли не выше головы: низковат диван, но другого не было, разве что такие же пришибленные круглые кресла.

– Понимаете, Артемий Ефимович... – начал Хомоед.

Артемий недовольно глянул в его сторону и отвернулся. Конечно, этот долбаный Игорёша уже успел выболтать тайну его еврейского происхождения. В их среде отчествами не бросались, да и в паспорте у него стояло – Емельянович.

В столовую вплыл Игорёк, и Артемий, кивнув на Хомоеда, спросил:

– Это кто?

– Ворюга, наверное. Залез, надо думать, через лоджию, – равнодушно поведал Игорёк.

– Не трындишь?

– Зачем? У меня газовый пистолет. Я ему в любое время могу глаз отстрелить.

Лахудра Зимуля оживилась:

– У тебя, милый, помповое ружьё где-то валяется. Ты ему яйца отстрели. Никогда не видела мужика с отстреленными яйцами.

– А я не мужик, голубушка, – ласково сообщил Хомоед.

– Да? – обескуражилась Зимуля и даже поставила на место бутылку с текилой, из которой собиралась плеснуть в коктейль. – А как это?

– Да как у голубей. Птицы мира. Я нашему Игорю Святополковичу бессмертие предлагаю. А он весь в музыке, Моцарт, прямо. Творит, не выключая телевизора! Вы в "Сверчок" на двенадцать собрались? А Игорю вашему как раз к двенадцати тело сдавать. Никак не обернётся. Вы ему посоветуйте, как друзья. Хорошее тело, жалко, если другой воспользуется. Какой-нибудь шалапут бесталанный. Пьяньчужка или бомж. Он его, тело, то есть, по помойкам затаскает. Обидно.

– Да уж, – со значением произнесла Зимуля, – Тело у него что надо.

– Ты откуда знаешь? – нахмурился Артемий.

– Ну что ты, кисуля, – проворковала та. – Мне Лиляна об его достоинствах все уши прожужжала.

– Ты кто, урод? – решил определиться со всей конкретностью продюсер. – Чего тут нам по ушам заезжаешь?

– Читай, – Хомоед сунул под нос Артемию бумажку с фотокарточкой и печатью.

Артемий взял её и повертел в пальцах. Тупо прочитал: "Служба Абсолюта. Отдел Абсолютных Сущностей. Уполномоченный агент Хомоед Джафар Кроу".

– Вот ё-моё, – заключил Артемий. – Я же говорил – клоун. Может, в самом деле, ворюга?

– Может, – согласился Хомоед. – В определённом смысле, если взглянуть на вещи глазами того же завхоза. Но вернёмся к телу Игоря Святополковича. Сейчас знаете, как это делается? Хлоп, и тело откорректировано. Изменено на генетическом уровне. И уже как бы это другое тело и завхозу более не подотчётно. Вы не задавались вопросом, Моисей Ефимович, отчего так расцвели биологические технологии?

Артемий скривился. Последний раз настоящим именем его называли лет десять назад, родители. Он взял со стойки фужер с «Маргаритой» и зло потянул содержимое через соломинку.

– Водки дай, – отставив коктейль, потребовал он у Зимули.

– А потому, что кое-кто решил, что умирать вовсе не следует, – продолжал, как ни в чём не бывало Хомоед. – Для этого надо исказить генную матрицу, чтобы тело перестало быть доступным inferнальным службам. Но если тело сделается уродом с изменённой генной матрицей, человечеству настанет каюк. Потомство такое тело не даст. Потому что в генной матрице заложен доступ ко всем готовым к реализации телам. Стоит эту связь поколений разорвать, и телу никогда не дать потомства, то есть не получить из хранилища завхоза новых тел. Представляете, какая проблема назревает у нашего завхоза? А тут как на заказ ещё головная боль – ваш случай, Игорь Святополкович. Вот Теодорих и нервничает. Согласитесь, его можно понять. Гляжу я на Игорька – дурак будет, если с таким солидным, на века вечные сработанным телом расстанется. А потом, всё одно – подопрёт очередь на воплощение, извольте новое тело получать. Всучат третий сорт. В отделе снабжения ловкач на ловкаче. Им человеческие комплексы неинтересны. А между тем, стоящие в очереди на воплощение привередливы до крайности. Вот религия раньше позволяла как следует тело подобрать, телом воспользоваться, а затем, спокойно, солидно с ним расстаться. Потому что позволяла людям не к завхозам всяким апеллировать, и уж тем более к их замам, а к структурам куда как выше! Ныне – свинство одно. Мир гибнет. Относительный, полный иллюзорных форм, катится к своему концу. – Хомоед скорбно закатил глаза к потолку.

"По-моему, он нас за идиотов держит", – подумал Игорёк.

– Псих ненормальный, – фыркнула Зимуля.

Она уже допивала второй фужер и пребывала в некотором отупении.

– Ну и что ты предлагаешь? – спросил Артемий. – Давай определяться, и ауввидерзейн.

– Это пускай он определяется. Я всё сказал, – ответил Хомоед.

– Давай, Игорёша, определяйся. Терпеть этого дегенерата я больше не могу.

– Ну, я не знаю... – пробормотал Игорёк. – А как его выпроводишь?

– Просто по башке настучим и выкинем.

– Я пас. Я того, не знаю, может он и в самом деле того? До него ещё один был. Завхоз. Тоже про тело разные истории рассказывал.

– Ну, брат, всё ясно – разводят тебя по-умному. Это у них шайка. Им наше бабло нужно.

– И вообще никакие не деньги, – искренне обиделся Хомоед и достал из кармана плаща пачку столларовых купюр. – У меня их что тех огурцов в бочке. Могу поделиться.

И достал вторую пачку, такую же аппетитную.

– Если не гордые – пользуйтесь. Дар!

Вслед за первыми двумя на журнальный столик шмякнулась и третья пачка. У лахудры Зимули отвисла челюсть. Она испытывала постоянное стеснение в финансах, оттого что Артемий был прижимистым бойфрендом. Зимуля со всей ясностью видела, что если сейчас же не возьмёт эти пачки, то будет круглой дурой. Ясно же – в каждой десять тысяч «зелёных». У неё, Зимули, глаз – алмаз.

– Кукла, небось? – с плохо скрываемой ненавистью спросил Артемий.

– У тебя, хозяин, в кабинете машинка стоит. Пойди, проверь, – с прежней непосредственностью посоветовал Весёлый Джафар.

В кабинете, закрытом от всех на ключ, кроме тайного сейфа с документами и сбережениями, стоял самый современный аппарат для выявления фальшивой валюты.

Зимуля сгребла со стола все три пачки и потребовала:

– Папочка, дай кисуле золотой ключик.

– На, воспользуйся.

Артемия не на шутку заколбасило, что за фраер такой пачками сорит у него дома и не боится разоблачения? И откуда он знает про аппарат в кабинете? Неужели Игорёк, козлина, подобрал ключ, и сейчас с этим придуром работает в паре? «Сделают они меня. Дела хреновые. Этот весельчак-клоун гипнотизирует. А у Игорька газовый пистолет при себе, он уже намекал насчёт глаза». Одним словом, картина событий представлялась Артемию всё более пугающей. "Чего ему не хватает? Я ему мало бабла, что ли, сгружаю? – думал он, пока Зимуля, уединившись в кабинете, проверяла деньги. – А может, всё это – первоапрельская шутка? Ну-ну».

Наконец рыжая шалава появилась в столовой; ни на кого не глядя, вернулась за стойку бара, и принялась как ни в чём не бывало потягивать коктейль. Пачек при ней уже не было.

– Ну что? – нетерпеливо спросил Артемий.

– Все фальшивые, – фальшивым голосом ответила Зимуля.

– Ну и чё? – с напряжением в голосе обратился Артемий к Хомоеду.

– Если они, голубушка, фальшивые, – осуждающе покачал головой Весёлый Джафар, – зачем же вы спрятали их в сумочку, что висит в прихожей?

– Ой, ну я не знаю, – обиделась Зимуля. – Ну, в самом деле. Ты их выбросил – я подобрала. Какие ещё разговоры?

– Так они настоящие! – дошло до Артемия. Вариант с бандой грабителей-гипнотизёров терял доказательную базу.

– Ну, настоящие, – ещё больше обиделась Зимуля. – Ты мне когда-нибудь на десять штук хоть что-нибудь дарил?

– Перебьёшься, – вырвалось у Артемия.

– Ну и иди, гуляй. Мои они. Понял?

– Ребята, ребята, не ссорьтесь, – подал голос Игорёк. Нового поворота темы, озадачившего друзей, он не понимал. Он всё больше и больше думал о полуночи и обещании завхоза. Ведь духи, которыми навонял завхоз, побуждали реципиента, в нашем случае – Игорька, поверить в аренду тела и безбрежную, полную интригующих загадок жизнь во Вселенной. С приближением полуночи действие духов делалось всё сильнее и необоримее.

Игорьку уже было интересно: что там, за гранью мира? Наверное, ещё больший мир? Наверное, и в самом деле – Вселенная. Только почему завхоз? Зачем Вселенной такой мелкий, невзрачный завхоз? Что за должность такая невнятная? А расстаться с телом – это больно, наверное? Или нет?

Игорёк очень боялся боли. Игорёк всего боялся. Оттого посещал спортклуб, качался на тренажерах. И полагал, что это помогает, придаёт уверенности в себе. Он пил и витамины, и родниковую воду, и биоактивные добавки в пищу. А выходит, что плодами его усилий воспользуется, как говорил Хомоед, какой-нибудь бомж. При мысли об этом неведомом бомже Игорёк скривился. Он был крайне брезглив и чистоплотен, и боялся упасть на дно общества. А тело – это как ни крути, часть его, Игорька, личности. И если подумать, не такая уж немаловажная часть. Очень даже немаловажная. Цены этому телу нет.

Милые друзья, между тем, уже вовсю орали друг на друга. В ход пошли выкрикиваемые с дегенеративными интонациями и подвизгиваниями "старый козёл", "старая шлюха", "пердун, импотент, дурак", не говоря уже о разнообразных матюгах. Между тем, и "старому козлу", и "старой шлюхе" было не многим более тридцатника.

Игорёк поморщился, его тонкая нервная организация отказывалась выносить подобные семейные сцены. Он вскочил с кресла и убежал в студийную комнату.

Хомоед ещё послушал немного и щёлкнул пальцами. Друзья-любовники вмиг утихли. Артемий тяжело дышал, взгляд его был мутный, как у быка после корриды. Зимуля плеснула в фужер водки и залпом выпила. Джафар удовлетворённо кивнул и пошёл к Игорьку.

– Ну что, Игорёк, что надумал? – поинтересовался он.

– А что тут думать? Откуда у завхоза такая власть?

– Ага, дело сдвинулось. Это его парфюмерия на тебя действует, чтобы ты ни в чём не сомневался. Завхоз – пустое место, космическое ничто. Плюнуть и растереть.

– Так это что, серьёзно? – спросил Игорёк. – Мне предстоит... умереть?

– Ну и что? Всем вам предстоит, а потом обратно. Я же тебе, человек, говорю – не спеши расставаться с телом.

– А как не спешить?

– Ну, наконец-то, – обрадовался Джафар.

– Душу продать? – испуганным шёпотом спросил Игорёк.

– Зачем нам душа твоя, человек? Служба Абсолюта не торговая площадка, чтобы душами торговать.

– А-а... – протянул Игорёк, будто бы что-то поняв.

– Вечная жизнь – вещь абсолютная. Какая может быть плата за абсолютную вещь в относительном мире? Так что волноваться незачем, ничего платить не надо. И потом, вечная жизнь в относительном мире – счастье призрачное. За такое и цены не дашь.

– Хм, – чтобы слышать себя, издал звук Игорёк. – А сам ты откуда?

– Из отдела абсолютных сущностей, откуда ещё? Ты же через плечо заглядывал, когда твой приятель моё удостоверение изучал.

– А-абсолютные?.. Это как-то непонятно.

– И хватит об этом, – отрезал Хомоед. – Остаётся час. Даже меньше. Трансформация начнётся минут за двадцать до полночи. Внезапно занеможеешь и позабудешь про мои слова.

– А я заболею?

– Естественно заболеешь, смертельно. Ты же дал завхозу согласие на выполнение арендных обязательств.

– Когда? Ничего я не давал!

– Ну, я там не был. Что-то, конечно, дал, иначе бы он так просто с тобой не расстался. Завхоз малый упорный. Рабочая лошадка, цепной пес! Без таких тоже нельзя. Всё прахом пойдёт, знаешь ли.

– Что – всё?

– Да всё. Порядка не будет.

– Что мне делать? – совсем уже плаксиво промямлил Игорёк.

– В зависимости от выбора. Ты что надумал?

– Жить хочу.

– Видишь, нормальный человек. Вот тебе бумага. Подпиши. И все дела.

Хомоед протянул небольшую бумажку, похоже, вырванную из блокнота. В линейчку.

На одной строке была надпись шариковой ручкой: "Игорь Святополкович Хромов согласен на вечную жизнь (телесную)" На другой строке стояла дата, ещё ниже – фраза: "подпись разборчиво".

– Держи ручку. Фиолетовые чернила, чтобы не спутать с ксероксной копией.

Игорёк бездумно взял ручку и чиркнул подпись.

– Вот теперь можно в ночной клуб. Мне тоже, знаешь, любопытно. Будешь смеяться, но я там никогда не бывал.

Из коридора в обнимку выплыли Артемий и Зимуля. Ни малейших следов скандала уже не читалось на их лицах. Сплошное удовольствие от взаимного лицезрения.

– Ну что, Игорюнчик, ты готов? – проворковала Зимуля.

– Кисонька, наш Игорёк всегда готов, – улыбнулся Артемий.

Сладкая парочка, не дожидаясь ответа, удалилась в прихожую одеваться.

Хомоед дружески хлопнул Игорька по спине.

– Поехали. Пора уже.

Ни Артемий, ни его рыжая шалава больше не возражали против присутствия Хомоеда, легко смирившись с его существованием в их мире.

Артемию машиной для рядовых поездок служил чёрный триста двадцатый "мерседес". Удобный, как автомат Калашникова: подвеска на пневмоцилиндрах, отчего машина даже по самой разбитой дороге словно по морю плывёт; откидные передние сиденья с подогревом, в любой момент превращающие машину в сплошной диван; кондиционер, дающий нужный микроклимат; и гнездо для мобильного, чтобы разговаривать по "громкой" связи, не беря трубку в руки. Прозвище у "мерса" было "Косой", за косо поставленный взгляд противотуманных фар.

Игорёк молчал всю дорогу, терзаемый одной упорной мыслью. Он думал, до чего же он ничтожен с этой бумажкой в линейку, с этой своей подписью. Он смотрел в бритый, надушенный затылок Артемия, затылок человека счастливого, умеющего быть одновременно и солидным, и развязным до крайней степени хамства, человека, по правде сказать, ничтожного и совершенно бесполезного, но умеющего заставить других быть полезными ему. А он, Игорёк, вечно второй, или даже десятый. Никто не воспринимает его всерьёз. С ним можно вот так, как этот Хомоед, сразу на "ты". Его можно поучать, словно пацана. Им можно крутитить-вертеть, а на каком, скажите, основании? Почему он должен быть кем-то направляем? Это его жизнь, и ему самому, по своей охоте, ломать в ней дрова. Ну, с какой такой стати подписал он эту бумажку? Поступил, словно в плохо разыгранной пьесе, словно мужик из села Кундуева сыграл с напёрсточником на вокзале. И ведь так у него будет всегда, ничего ему не переменить. Разве что...

Игорьку захотелось открыть дверцу и вывалиться под колеса сверкающих фарами, несущихся навстречу машин. Он даже положил руку на поручень возле хромированного рычажка. Одно движение пальца – дверца с чавканьем откроется и... даже никаких усилий – наклон корпуса и готово. И сладкий сон небытия.

– Без четверти двенадцать, – сообщил Хомоед. – Самое время сводить счёты с жизнью. Согласно арендному договору. Но теперь со смертью у тебя ничего не выйдет.

Игорёк, разоблачённый в своих глупых и смешных намерениях, деланно рассмеялся.

– Театр какой-то. При чем здесь...

Он хотел добавить "бессмертие", но подумал, что прозвучит это полным идиотизмом. Зачем этот дикий Хомоед в машине? Почему он, Игорёк, вынужден его терпеть?

Шалава Зимуля трепалась с Артемием. Перебрав подружек, их мужей, хомячков и собачек, перешла на магазины и теперь рассказывала о каком-то новом бутике, где всё страшно дорого, зато шикарно. Артемий снисходительно возражал, что всё это барахло лежит на каждом городском толчке. Но, оказывается, в этот бутик уже два заходила сама Пугачёва. И оба раза осталась довольна. Покончив с бутиком, Зимуля принялась рассказывать, с кем теперь спит примадонна российской эстрады.

На входе в "Золотой сверчок" бдели два негра в гусарских мундирах с меховой опушкой, при аксельбантах и эполетах. Троих друзей они узнали. А на Хомоеда зверски сверкнули глазами и потребовали пригласительный. Тот непринуждённо полез в карман.

– Держите, братцы.

И протянул им обандероленную пачку десятидолларовых купюр, то есть тысячу долларов. Зверское выражение на лицах "гусар" сменилось растерянностью. Гусары переглянулись, один из них быстро принял деньги и сунул под китель мундира.

Хомоед кивнул и прошёл в дверь – большую трёхстворчатую вертушку.

Ни Игорька, ни Весёлого Джафара презентация не интересовала, поэтому они заняли столик подальше от сцены. Игорьку быстро стало хорошо: царила электризующая атмосфера бестолковой московской ночи, гремела, заглушая его невесёлые мысли, музыка. Тех, кто гудел в микрофон со сцены, видно за спинами толпы не было. А там джазировала Лариса Долина, над-

рывал связки Иосиф Кобзон, потешали грубыми шутками Олейников со Стояновым. Одним словом – тоска смертная.

В своё время Игорёк подкатывался со своей музыкой ко многим звёздным величинам. Музыку тогда он писал и в самом деле неплохую. Но одна величина высокомерно отмахнулась, как от мухи, другая не удостоила приёмом, прочие были не лучше. "Ну и хрен с вами, блейте свою "погоду в доме", – решил, в конце концов, Игорёк и подался к Артемию в музыкальные редакторы.

Потягивая энергетический напиток, Игорёк скучающе разглядывал веселящийся «брильянтовый планктон» и вдруг уснул. И увидел перед собой большого грузного дядьку. Дядька пребывал в крайнем раздражении. Его волосы топорщились ёжиком, он сжимал кулаки, но, сколько ни кричал на Игорька, тот его не слышал. Наконец, что-то прорвало, и он услышал десятиэтажный мат. Оказалось, дядька напрягался из-за тела Игорька. Оказывается, дядька уже полчаса как должен был этим телом владеть, ведь он подписал договор на очень серьёзных условиях. Дядька вдруг размахнулся и что есть силы заехал Игорьку кулаком в лицо, отчего тот проснулся.

За столиком уже сидел завхоз Теодорих Второй. Укоризненно смотрел на Игорька и грустно качал головой. Сделалось тихо, словно музыка больше не звучала, а многоголосая тусовка враз онемела.

– Ну что же вы наделали? – печально спросил завхоз. – У меня из-за вас возникли большие неприятности. Я ведь предупреждал. Я чувствовал, что добром дело не кончится.

Завхоз глянул на Хомоеда. Тот смотрел в сторону с нарочитым безразличием.

– Вы уже видели его? – спросил Игорька завхоз.

– Кого?

– Его, того, чьё тело вы сейчас носите. У кого вы это тело украли.

– Ничего я не крал. Достали вы меня с этим телом.

– И ничего не достали. На меня из-за вас каждую микросекунду капает огромная неустойка. Растёт ком обид. А вы, как я понимаю, тело присвоили навсегда.

– Практически навсегда, – подтвердил Хомоед и продемонстрировал Теодориху всё тот же блокнотный листочек.

– Так я и думал. Всё из-за вас, – укорил завхоз.

– Служба, – небрежно пожал плечами Весёлый Джафар.

– Ну конечно, что же ещё? А вам, молодой человек, ведь говорили, объясняли...

– Ничего мне не говорили. Я специально спрашивал насчёт души.

– Так и что? Никакой такой особой души нет, чтобы по своей воле себя бессмертить, – ответил Теодорих. – Душа – сущность не абсолютная и должна знать своё место.

– Ничего не знаю. Души своей в глаза не видел, и ничего вам обоим не должен.

– Само собой, – поддакнул Хомоед.

– Ну вот. Так что вам от меня ещё надо?

– Я вам объясняю ситуацию, – ответил завхоз. – Вы здесь гуляете, веселитесь, а у меня проблемы. И не только у меня. Ваше тело человек выбрал из нескольких миллионов предложенных. В этом теле музыкальные способности, человек хотел стать великим музыкантом. Где теперь я найду такое? Все тела со способностями расписаны на три поколения вперед. Под ваше тело уже и родители подобраны. Свинья вы после всего этого, вот что я вам скажу!

– Какое мне дело до его способностей? Пускай будет престиждитатором. Или менеджером по продажам каких-нибудь шампуней, – угрюмо ответил Игорёк.

– Он за тело великого музыканта очень хлопотал, в самых разных инстанциях. Как он нам надоел, вы бы только знали, Игорь Святополкович.

– А зачем оно ему надо быть великим музыкантом?

– Нехорошо завидовать, – ушёл от ответа завхоз, в компетенцию которого не входило знать причины людских желаний.

– Да чтобы фотографироваться в компаниях сильных мира сего: президентов всяких, миллиардеров, королев... – ответил за Теодориха Хомоед.

– А вам, комиссар, должно быть стыдно, – перебил его завхоз.

– Вовсе не стыдно. Я вам повторяю – служба.

– Ну, хорошо, что с вас взять? А вы, Игорь Святополкович, знаете хоть, чем заплатили по данной сделке?

– Ничего я не платил, – в сердцах бросил Игорёк.

– Ну да. Так не бывает. Заплатили, иначе сделка не имеет юридической силы. И тело уже перешло бы к новому арендатору. Вы, когда сюда ехали, собирались прыгать из машины?

Игорёк промолчал.

– Не отпирайтесь, собирались. Да не прыгнули. Потому что подписали договор со Службой Абсолюта. Да если бы и прыгнули... Что теперь с вами делается? Обессмертили вас, Игорь Святополкович. Теперь вы – иллюзия!

Игорёк подумал-подумал и решил молчать.

– И правильно. Теперь говорить поздно, – обронил завхоз. – Они во Вселенную вас не пустят.

– Отчего, Теодорих Второй? Пустим. Никто ему, бессмертному, не мешает перемещаться в космосе. Никто не запрещает углубляться в духовную Вселенную. Его место во Вселенной на сегодняшний момент для нас весьма ценно, с перспективой на довольно продолжительный срок. А когда отпадёт надобность в бессмертии, дадим возможность разорвать договор. У нас всё честно.

– Через миллион-другой лет в земном исчислении, Игорь Святополкович. Поверьте мне, – прижал руку к сердцу завхоз, – вам будет несладко миллион лет бродить по планете... неприкаянно.

– Это психологические нюансы, – невозмутимо заметил Хомоед.

– Нюансы. Конечно, что же ещё. Вы же такие важные вопросы решаете!

– Игорь Святополкович отныне занимает очень важный сектор Универсума, я бы сказал – стратегически важный сектор.

– А вы расскажите ему, зачем человеку Вселенная, – потребовал завхоз Теодорих.

– Какая разница? – пожал плечами Весёлый Джафар. – Человек в его возрасте, я имею в виду, не первый раз живущий, должен знать, зачем человеку Вселенная и жизнь в Абсолюте.

– Срань господня! – не удержался и в сердцах выпалил Игорёк. – Вы говорили мне, что жизнь – иллюзия!

– Вот те раз, – удивился Хомоед. – Я тебе, Игорь, такого не говорил. Жизни просто так, самой по себе, не бывает. Жизнь или абсолютна, как наша, или относительна, как твоя. Всё зависит от её источника. Переключиться на новый источник просто так нельзя. Мы тебя переключили согласно договора. Пока действует контракт, твой источник – Абсолют. Но чтобы вечно иметь его своим источником, нужно пройти длинной дорогой познания. Вселенная, мил человек, дана нам Абсолютом, чтобы мы могли с ним соединиться. Нет ничего желаннее соединения с Абсолютом. Ты разве не знал?

– Сам же видишь, что Игорь Святополкович ни сном, ни духом, – вставил завхоз, – Вот такие безответственные лица, как вы, Игорь Святополкович, и способствуете росту хаотических явлений. Вы подумайте, он не знает, зачем Вселенная и жизнь после смерти! А зачем ты зубы по утрам чистишь – знаешь? – в гневе завхоз перешел на "ты".

– Зря кипятитесь, голубчик завхоз, он вам ответит, что ради борьбы за лучезарную улыбку и чтобы изо рта не воняло тухлым яйцом, когда с барышней станет целоваться.

– Тогда я спрошу – а зачем с барышней целоваться? – гнул своё завхоз.

– Я понимаю, к чему вы, любезный завхоз, клоните. Вы хотите подвести клиента под предельный вопрос – «зачем человеку жизнь»? Не трудитесь, мой друг, он вам ответит, что ради удовольствия. Теперь всё ради удовольствий. Даже на тот свет отправляются за удовольствиями. Их там, конечно, немного – что это за удовольствия, если люди об Абсолюте слышать не хотят?

– Хорошо, а вы подумали, что будет, если Игорь Святополкович решит воспользоваться своими новыми свойствами, так сказать, в планетарном масштабе? Устроить ядерную войну? Или заняться геотектоникой? Через сто лет, даже пятьдесят, и не такие желания станут посещать.

– Вопрос не ко мне, – отрезал Хомоед, – такие неприятности не по нашему ведомству. Пускай иллюзорщики за этим следят. Пусть отслеживают, как ведут себя атомы и электроны, и не допускают в эти тайные механизмы природы Игоря Святополковича.

Завхоз вздохнул. Поднялся, запахнул плащ. Буркнул на прощание: "Буду жаловаться!", и покинул ночной клуб.

Весёлый Джафар, он же Ворон, как с английского языка переводилось его третье имя, также поднялся. Сунул руки в карманы и стал прощаться:

– Ну, так, уважаемый человек, я тоже уйду. Служба, некогда. Приятных тебе иллюзий! И растворился в воздухе.

А шоу продолжалось. Звёзды, одна круче другой поздравляли Мафусаила Федоровича, для близких по тусовке – просто Масюлю, с осуществлением очередной мечты жизни. Аттестовали его проект грандиозным, небывалым, чертовски крутым, эксклюзивным. Уже далеко полночь, когда звёзды растворились среди гостей, приступив к расслабляющим процедурам, на сцену вылезли их заменители – эксклюзивные в своей экстравагантности и пошлости. Возник парень по кличке Петруха, в штанах-галифе и будённовке. Спел про ушастые валенки. Девушки на подтанцовках были в ушастых валенках, но практически без всего остального. Потом, напрягая массой сцену, явился шоу-балет толстухек "Пять тонн" – "биомасса", как их называли в тусовке. Ближе к концу выступления солистка обнажилась до трусов и пошла в народ. Схватила в охапку сделавшего имя на эксклюзивной сети бань, бизнесмена Гришу Веника, оторвав того от супруги, и мощно прижала к огромным и потным грудям. Следом за «биомассой» на сцену выбрался "человек-карандаш", заострённый во всех своих членах. Даже то, что топорщилось у него под трусами, также было заострено. Такой у человека был сценический костюм, он же сценический имидж. Все шесть карандашных концов различались цветом чернил. Очевидно, на самом деле, это был «человек-фломастер», но ему об этом никто не сообщил. Чернила оставляли следы на сцене, на неосторожно приблизившихся к ней, остальные одобрительно хлопали в ладоши и кричали "супер" и "вау". «Человек-карандаш» устроил на сцене эротический спектакль, изрисовав с ног до головы трех совершенно голых ассистенток, а затем полез в народ давать автографы, кто на чём отметить предложит и каким именно концом попросит.

Игорёк пил. Пил шампанское, коньяк пил, кофе с коньяком, снова шампанское. А потом подсел к девочкам с НТВ-канала и уже с ними перешёл на водку. Затем явился среди них чудотворец Лонго и предложил налечь на текилу. Принесли текилу. Лонго, приговаривая: "Пускай текила вам станет водой", совершил над столом магические пассы. И вправду, бутылка оказалась наполнена водой. Под аплодисменты Лонго раскрыл «фишку»: бутылка с подменной заготовлена была заранее, и по его знаку официант доставил именно её. Игорьку взбрело на ум укусить страшного чародея за ухо, как это сделал один американский боксёр, Железный Майк, с другим не менее железным американским боксером. Игорёк полез обниматься к Юрию-чернокнижнику, а тот его возьми и укуси первым, за подбородок.

– Люблю я тебя, понимаешь? – испытывающе объяснил чародей.

Лонго, очевидно, был пьян. Кусать его расхотелось. "А не ударить ли мне кого-нибудь по лицу"? Мысль казалась непривычной и новой, но абсолютно здоровой. Для осуществления затеи Игорёк решил найти Масюлю. Если уж бить, то хозяина вечеринки, и бить крепко. Но не нашёл. Масюля заперся в отдельном кабинете с видными представителями деловых кругов.

За Игорька вдруг ухватилась какая-то малолетка и заплетающимся языком потребовала сигарету.

– А чё тут ваще за движняк? – спросила она, не дослушав Игорьковское "не курю".

– Шабаш индивидов, – ответил Игорёк.

– А! Паня-ятно. А то я смотрю, все такие крутые. Во, гляди, вырядился, клоун!

Мимо проходил Макаревич в смокинге. Слово "смокинг" девочка ещё не знала.

– Дева, ты как сюда попала? – спросил Игорёк. – Куда смотрят негры?

– Ну... Та не гони ты, чувак. Не помню. Чё-то меня тут не колбасит.

Девочка Игорьку нравилась.

– Я тебе стрельну, – пообещал он и повернулся к Бондарчуку, остановившемуся перекинуться перед уходом парой слов с бритоголовым, как и он, бизнесменом Колей-бодхисатвой, тусовочной фишкой которого был проект внедрения буддистских практик в шоу-бизнесе. – Дай закурить, – бесцеремонно влез он в их разговор.

Бондарчук и Коля-бодхисатва, не глядя, сунули ему под нос по пачке. Игорёк вытащил из каждой и, не поблагодарив, протянул малолетке.

– На. Тебя как зовут, цветок?

– А никак, – развязно ответила девица и, взяв сигареты, была такова.

Игорёк проводил её мутным взглядом и, когда она скрылась из вида, решил ударить по лицу Бондарчука. Но того уже рядом не было. И Игорёк ударил Колю-бодхисатву. Тот упал. А Игорёк пошел в туалет.

Освежившись и повеселев, Игорёк выбрал пустующий столик, а их уже было немало, и решил доскучать эту ночь в гордом и полном одиночестве, одиноким голосом в толпе.

Но поскучать не удалось. Игорёк не замечал, что за ним уже давно и пристально наблюдает невысокий плотный человек в чёрном строгом костюме и чёрной атласной рубашке. В петлицу пиджака была вде́та красная искусственная гвоздика. С некой гуттаперчевостью в движениях он подсел к Игорьку и, играя весёлыми, шалыми глазами, предложил:

– Кровушками глотнем? Только что выцедил.

Игорёк поднял голову и внимательно глянул в лицо непрошеного гостя. Каких только уродов не встретишь на VIP-тусовке.

– У той, которой ты сигареты стрелял, – уточнил человек.

Игорьку подумалось, что по лицу он ударил не того, кого следовало. А теперь бить нет никакого настроения.

– Я на тебя сразу глаз положил. Я ж вижу – ты наш.

– Ой, вот только не надо... – гнусавым, противным голосом произнёс Игорёк.

– Да ты брось. Мы ж свои люди. Просто нас таких мало. Настоящих.

«Не, не приколист, тупой маньяк. Звездану его сейчас бутылкой по башке и можно сваливать».

– Короче, маньяк, отвали, – предложил он собеседнику для начала.

– Не понял? – удивился "маньяк". – Я же хотел как лучше. А ты, значит, гордый. А сам-то что здесь делаешь? Малолетку, вон, клеил. Ясно же, зачем. На, тебе говорю, её кровь, свеженькая.

"Маньяк" достал из-за пазухи полиэтиленовый, похожий на грелку кулёк с красной жидкостью. Отвинтил крышечку, нюхнул.

– Пей! Где твой бокал?

И налил в бокал из-под шампанского.

"А вдруг всё-таки приколист? Вдруг его Артемий подослал, в счёт ушедшего первого апреля?".

Игорёк поднял бокал и понюхал. Спьяну никакого запаха разобрать он не мог. Жидкость маслянисто качалась в бокале.

Игорёк попробовал, чуть-чуть. На вкус это была совершеннейшая кровь. Игорька затошнило. Он вспомнил ту милую девочку, совсем юную.

– Ты её замочил? – дрогнувшим голосом спросил он.

– Да живая. Пол литра всего-то взял. Проспится и не вспомнит. Слушай, а ты ведь новенький! Точно новенький!

Взгляд "маньяка" сделался вовсе шалым и бесшабашным.

– Нашему полку прибыло! Ну, наконец, напал на новенького. А то третий век... Я тебя такому научу! Да ты хлебни как следует. Конечно, требуется привычка, навык. Но, как обвыкнешься – слаще мёда, девушки милее. Кровь – это же мать всего живого. Её как живую воду, как высочайшую ценность принимать надобно. Внутрь, естественно. Есть, которые не внутрь употребляют, а в виде примочек, ванн – то изуверы, надругатели над природой. Так что не ломайся, пей, говорю.

– Да иди ты... учитель нашёлся.

– Ха-ха, ну и как ты без неё, кровинушки, сотни лет жить-то собираешься?

– А откуда ты знаешь?..

Игорьку стало не по себе.

– Вот дурак. Да от тебя бессмертием за версту шибает.

– Ну и что? Пусть шибает. Всё равно кровь не буду.

– Ну, как хочешь. Легко сказать "не буду", а попробуй не употреби. Через неделю оголодаешь, через месяц на мертвеца станешь смахивать. Через два свалишься где-нибудь в канаве, так тысячу лет и пролежишь, при полном, заметь, сознании своего ничтожества. Пожалей себя, испей её, родимую. Это ж жизнь наша!

– А бессмертия, значит, без чужой крови не бывает?

– А как ты себе это мыслишь, чудило? Только ею, родимой, и спасаемся. Мы, вампиры, народ не кровожданный. Исключительно по необходимости употребляем.

Вампир замолчал, взгляд его сделался задумчив. Затем хмыкнул, как бы в сомнениях, полез в карман, извлёк визитку и положил перед Игорьком:

– Н-на, владей. Станет худо – приходи. Ни в коем случае не звони, только лично. Осознал?

– А ты это... как?

– Чего – это?

– Ну, как ты это?.. Ну, там... клыки, а?

Вампир громко, от души расхохотался. Отёр ладонью слезу и пояснил:

– Ланцетом. Клыки в Голливуде. А тут огипнозил, надрезал, взял не больше пол литра, пластырем бактерицидным залепил и гуляй, красавица, радуй мужской глаз. Бледность ей будет только к лицу. А вот есть у нас один специалист, – вампир откинулся на спинку стула и, сделав глоток из бокала Игорька, – свой он уже успел осушить, – облизал губы. – Один он у нас такой, телекинетический. Кровь на расстоянии берёт. Источник ничего не замечает, разве лишь слабое головокружение минуто-другую. И всё... Мы спецы – у нас ни раны, ни гематомы. Разве когда сосуд какой лопнет кровеносный. И из артерии не берем. Хотя, оно, конечно соблазнительно из артерии...

Вампир возвел очи горе и продолжил:

– Это если известно, что источник – не жилец, тогда мы, ну кто кого успеет оповестить, – кровушку-то надо употреблять только свежую, живую, мертвяцкая – это жжение и судороги, – так вот, тогда-то мы её берем из артерии. Из стволовой, опять же, нельзя, она оттуда фонта-

нирует, так что никак аккуратно не возьмешь, негигиенично выйдет. А в нашем деле главное – аккуратность. Ну, а уж если капнуло на одежду – так надобно, чтобы материальчик был чёрный. Усекаешь?

Вампир подмигнул Игорьку с нахальством дешёвого актёра.

– И хорошо, чтобы музыка играла. Ладно, хватит лясы точить. Кстати, в гробу не спи – плохо на психику действует. И вообще, в киношные игры не играй. Осиновых кольев не бойся, серебряных пуль тоже. Ничего не бойся. Нет, вру. Бойся остаться без свежей крови. Всё, бывай.

Вампир допил остатки крови, поднялся, хлопнул Игорька по плечу и хотел было удалиться, но вдруг, вспомнив ещё одну инструкцию для начинающего вампира, произнёс:

– А вот на дневной свет может возникнуть аллергия. Такое случается. Если почувствуешь симптомы – переходи на ночной режим. То, что я вот ночью здесь – это не из-за солнечной аллергии. Просто по ночам аппетит разыгрывается, такой уж у меня обмен веществ, сова я.

И, наконец, удовлетворившись сказанным, вампир отбыл восвояси.

Игорёк перевёл дыхание, взял со стола вампирскую визитную карточку. Карточка была самая обыкновенная. "Иван Ильич Мармышев, ЧП "Автоприбор", генеральный директор", – там значилось. И адрес имелся, и телефоны, факсы, электронная почта, интернет-адрес. Игорёк изобразил на лице деловитую серьёзность и сунул визитку в карман. Огляделся. Мелкий всё народец вокруг. Из ночи в ночь клубятся и клубятся, то есть клубуются, одним словом, зря живут. Хоть бы кровь пили. Настоящую. А пьют кровь из людей фигуральную, энергетические вампиры. С одной такой примадонной поговоришь – потом целый день ничего не сочиняется, даже на заказ.

Уже ощущал он себя настоящим бессмертным, человеком, которому на всех и вся плевать, и который, как это только что продемонстрировал вольный художник, вампир Иван Ильич, может брать чужую кровь, не спрашивая на то ничего разрешения. Нет, чужой крови Игорёк по-прежнему не желал. Но, поймав кураж от распахнувшихся внезапно перспектив, желал чего-то настоящего, дерзкого. Не пьяно-бессмысленного, как вот давеча он ударил какого-то там бизнесмена Колю, а настоящего, осмысленного, хладнокровного, изошрённого в своём цинизме. Чтобы одним единым ударом навсегда убить в себе стыд и глупые комплексы. Стать, наконец, Игорем, а не Игорьком-Игорюнчиком, Игорёшкой, чёрт бы его побрал!

Игорёк попытался садануть в свою омерзительную челюсть, в свою тошнотворную рожу, но с первого раза промахнулся. Второй раз попробовать не захотел: ему сделалось жалко себя, и рожа вдруг показалась вполне приличным лицом. Недаром бабы его любят...

Но только никого не убивать! А то посадят на пожизненную. И как это будет выглядеть? До разрушения всех тюрем или до какой-нибудь очередной революции? Нет, нужна всё же осторожность. Хладнокровнее надо быть, порассудительней. Вон, как Иван Ильич. Сумел человек устроиться. Целый генеральный директор. Небось, сосёт у государства финансы, как ту кровь из "источников", и рад уже третье столетие. Вот такого можно уважать. А все эти Артемии, все эти тусовщики... Как они осточертели с их клиническим нарциссизмом. Или только начинающие звёздный путь – выйдет какая-нибудь сопливка под руку с износившимся продюсером на люди, улыбнётся улыбкой невинного младенца и вдруг заявит: "Красота – это нечто трагическое". Давить их надо... А впрочем, к чему давить? Сколько им там осталось? Сегодня – звезда, а завтра в гробу.

Игорёк от мысли, что звёзды живут так коротко, словно кролики или насекомые, расхохотался. И ещё долго не мог успокоиться, уже и не хохотал, а так, посмеивался, потом уж и прихихикивать стал. Кончил смеяться едва слышным похекиванием. Отерши рукавом неожиданные слёзы радости, может, даже счастья, он обнаружил, что зверски проголодался.

Нашёл взглядом официанта, поманил, заказал, чего душа желала. И с аппетитом откусал.

Насытившись, посидел минуток с десять, разглядывая людей, словно каких-то подопытных мышей; улыбнулся, промычал: "Ну-ну... Что день грядущий нам того?.. Баиньки, старик,

в постельку, по домам". Довольный собой, вышел на улицу, сел в дежурившее у "Сверчка" такси и велел везти себя домой. Не к Артемию, а к себе. К подъезду хрущевки, к родным холостяцким пенатам.

Игорёк свои доходы хранил в немецком банке, стараясь не роскошествовать и по возможности жить за чужой счет. Оттого не стремился улучшать жилищные условия. Такие статусные вещи, как большая квартира на Тверской или Кутузовском, «бентли» или «лексус» его никогда не интересовали.

И теперь однокомнатная берлога представляла в пьяных его мечтах местом, откуда должен явиться миру могучий, прекрасный бессмертный человек. Чтобы удивить мир, чтобы встать, эдак, посреди огромной толпы, потребовать включить все микрофоны и телекамеры и произнести: «Люди – вы тараканы!». А потом полной грудью вдохнуть сырой и холодный воздух этого иллюзорного мира, на который он променял пустоту Вселенной.

Жизнь – ты прекрасна!

2

Квартира Игорька была дико запущенной. В сарай она превратилась ещё во времена советской власти, при своих прежних хозяевах, пенсионерах. Деньги на квартиру Игорёк раздобыл, спалив нечеловеческие запасы душевных сил. В девяносто первом набрал у государства кредитов, послушавшись совета мудрого Артемия, который утверждал, мол, через три года вернёшь тремя коробками спичек. Все эти годы Игорёк мучался страшно. Чудилось ему, что «попал на счётчик», и тот неумолимо отсчитывает часы и дни до расплаты. Но кредитная эпопея завершилась благополучно, и он действительно выплатил сущие копейки.

Из-за страхов и переживаний Игорёк махнул рукой на ремонт и не стал себя утруждать. Да и зачем музыканту удобства? Композитору необходимо убежище от мирской суеты, вдохновение и качественный инструмент. А также много бегать по разным организациям: пристраивать свои шедевры или искать заказы. Со временем Игорёк дошёл до эксклюзивных заказов новых русских на гимны их фирм, до торжественных ораторий, маршей, величальных песен на дни рождения, свадьбы, юбилеи и другие выдающиеся события в жизни заказчиков.

Поэтому, как висели линялые, во многих местах отклеившиеся обои, так и продолжали висеть, всё больше отделяясь от стен; как стояла стопками на полу отпавшая в ванной плитка, так и оставалась стоять; однообразно капало из протекающих кранов, а бачок иногда самопроизвольно спускал воду. Мебели в квартире имелось в обрез: старый диван, стол, три стула, жутковатого вида кресло да стеллаж с виниловыми пластинками, которых Игорьку было жаль выбросить, раритеты, как ни крути. На кухне тарахтел древний холодильник-"мыльница", сотрясая пол; обеденного же стола не было вовсе. Обычно Игорёк ставил на одну табуретку кастрюлю или там сковородку, сам садился на другую, и так кушал.

Из музыкальных инструментов в квартире в настоящее время имелся лишь баян.

Проснулся Игорёк посреди дня. С полчаса валялся на диване в ожидании похмелья, однако похмелье не наступило. Задерживалось. Это стало беспокоить, и он поднялся. Забрёл в ванную, принялся изучать своё лицо в зеркале: цвет кожи, степень одутловатости и синевы под глазами. Потом стал рассматривать зубы, и так и эдак открывая рот и наклоняя голову. Дыхнул на зеркало, понюхал, чем пахнет отражённая струя. Вонь должна была стоять немереная, ведь зубы он не чистил со вчерашнего утра, а выпил столько, что никак не могло выветриться. Но оказалось, что пахнет чрезвычайно стерильно. Да и мешков под глазами не было, и глаза не сошлись в щёлки. Это-то и беспокоило.

Несколько мгновений Игорёк тупо созерцал опасную бритву. "Побриться, что ли?" – подумал он. Принялся бриться, и, намазывая кадык, как-то пристальней, чем обычно, разглядывал себя в зеркале. И бритвой водил медленней и выбривал тщательней.

Умывшись, вернулся в комнату и стал думать, что же теперь предпринять. Во-первых, как должен измениться его имидж, как ему держать себя в обществе, в кругу друзей и подруг? Во-вторых, само по себе бессмертие штука, конечно, знатная, нужная, но как её применить? Уголовный кодекс не знает исключений для бессмертных. Да и, в-третьих, так ли уж он бессмертен, как его уверяли?

Он прошлёпал, как был в трусах и дырявых тапочках, на кухню. Поставил на огонь чайник. Чайник закипел, Игорёк высыпал прямо в него полпачки чая, которая бог знает сколько времени провалялась в кухонном шкафу. Игорёк взял кружку, налил тёмно-коричневой жидкости, подошёл к окну и засмотрелся на двор. Внизу, под окнами, валялся какой-то строительный мусор, торчала арматура, куски дерева. Игорёк подумал, что если на это дело упасть с четвёртого этажа, то уже будет наверняка. Рука потянулась к оконной раме, к защёлке. И Игорёк осенило: пора бы, наконец, проверить своё бессмертие, испытать сей дар на прочность.

Он шарахнулся от окна, расплёскивая на ноги чай. Ну их на фиг, такие эксперименты. Уселся на табуретку и постарался успокоиться.

Вдруг его как током ударило. Мокрые пятна на тапках, влага стекает по голой ноге – а ведь это крутой кипятик! Это же должно жечь невыносимо. Однако никаких ощущений.

Игорёк не удержался и осторожно окунул в кружку палец. Никакой боли! Слово у чая – у кипятка! – комнатная температура.

– Я бессмертен! – заорал во все лёгкие Игорёк. – Контракт действует!!!

Игорёк поставил кружку на табуретку, вернулся на диван. И вновь стал размышлять. И так, третий проблемный пункт, вроде бы снимался. Но только "вроде бы". "Кипятик мне не страшен. Но если, скажем, ножом пырнут? Или попаду в перестрелку? Как бы это проверить?" Игорёк понял, что логика событий требует от него мужества, решительного поступка. "Надо себя покалечить, – подумал он, – для начала чуть-чуть". Но как?

Игорёк вспомнил об иголках. Иголка – предмет доступный, где-то тут была. Был целый набор в картонной коробочке, где-то среди пластинок.

Он разыскал иголки, достал самую толстую, примерил к пальцу. Вспомнил, как больно, когда берут кровь на анализ, как становится нехорошо от вида собственной крови, как начинает тошнить... "Слегка, чуть-чуть, поддеть кожу". Он принялся давить кончиком иглы. Но что толку? Ощущение давления было, но, может, так оно и должно быть у каждого человека? Игорёк зажмурился и отрывистым движением, чтобы игла не вошла глубоко, уколол палец. Боли не было. Он поднял палец к глазам и стал изучать ранку. Не было ранки!

Он медленно, с нервным усилием стал вдавливать иглу в палец, сперва немного, затем глубже. Ему становилось всё интересней. Игла входила без всяких ощущений. Он подумал, что сейчас она упрётся в ноготь, но этого не произошло: кончик иглы, не встретив сопротивления, вышел из ногтя, словно тот был из масла. Игорёк поднял пронзённый палец к глазам и обалдело смотрел на это чудо. "Бессмертен, без всяких сомнений, бессмертен!"

Вытянул иглу. Никаких следов крови. Опрометью кинулся в ванную, схватил бритву, наотмашь полоснул по руке – всё равно что воздух рассёк. Вдруг сделалось страшно: "А может быть я всего лишь призрак? Бестелесное создание? Но зеркало меня отражает, я по-прежнему упруг..." Нет, факт бессмертия требует более веских доказательств.

Игорёк вспомнил о торчащих из мусорной кучи под окном арматурных прутьях.

"А, была – не была. Если я – обычный, то после всего и жить-то незачем!"

Рывком распахнул окно, взгромоздился на подоконник и прыгнул солдатиком. Он ещё успел подумать, что совершает самый гениальный шаг в своей жизни, что только за это он может уважать себя как личность, что он круче всех крутых, что никто из них на такое бы просто не осмелился. И вдруг обнаружил себя стоящим среди кучи мусора. Из ноги, из рваной тапки, торчал ржавый штырь. Игорёк поднял ногу – штырь вышел даже не как из масла, а гораздо мягче. Игорёк стоял на этой благословенной куче дерьма и ликовал.

Подумалось, что со стороны выглядит он глупо. В трусах и майке стоять на мусорной куче и довольно лыбиться...

Он поспешно кинулся в подъезд. Взлетел по ступенькам, словно на крыльях. И остановился у собственной двери. Миг решимости миновал, безумство совершено. Начались рабочие моменты. Как попасть в запертую квартиру? Идти к соседям или звать слесарей? Это, значит, прямо так, в трусах?

Игорёк потолкал дверь. Да, хлипковато стоит. Что, если выбить? Боли-то не будет. Он отступил на пару шагов, и с разгону, всем своим тренированным телом врезался в дверь. И влетел в прихожую. Посмотрел на дверь, замок вырван с мясом, надо бы позвонить, чтобы починили. Взял со стула штаны, вынул мобильник, включил. Заверещал сигнал вызова – "марсельеза". Звонила бабушка. Бабушка нашла в районном Доме пионеров детский оркестр, который срочно нуждался в концертмейстере. Игорёк вздохнул и страдальческим голосом ответил:

– У меня есть работа. Бабань, я хорошо зарабатываю... Кончай ты это...

Бабушка помолчала, а потом принялась спорить. В который раз Игорёк узнал, что он – бездельник, что в её времена за тунеядство могли посадить на два года, что она отвечает за него и его будущее, что ему давно пора жениться, завести детей, и дать ей, наконец, спокойно умереть.

Игорёк зевнул.

– У меня есть работа. И жена есть... бывшая.

– Знаю твоих лахудр!

Нотация продолжалась: настоящая женщина не должна скакать с голым задом по сцене, не должна шляться по всяким там кабакам и уж тем более не должна выкуривать по пачке в день. Настоящая женщина должна работать, а не прохлаждаться. И ни в коем случае не работать на телевидении!

На телевидении трудилась Инна. Обыкновенным редактором обыкновенной передачи обыкновенного московского телеканала. С голым задом же скакала Нина, работница кордебалета у Киркорова. Но бабушку именем звезды было не смутить. Она знала правду жизни и в своих оценках была, в общем-то, права. Это-то и злило. Игорёк лишь начинал влюбляться, обхаживать новую пассию, а бабушка, неведомым образом разнюхав дело, уже выносила приговор. Конечно, дальше всё развивалось как-то не так. Единственное, что, бывало, удерживало Игорька от немедленного разрыва – нежелание самой пассии расставаться с ним так сразу.

Слушая бабушку, Игорёк вспомнил – он обещал сегодня закончить заказ Артемия. Три рекламные песенки для отечественной косметической линии "Белые ножки". А ещё обещал Антохе, дружку по "музчаге", поиграть вместо заболевшего клавишника на мероприятии у какого-то бизнесмена, на пять вечера. И надо бы сходить к одному господину, пожелавшему свадебный марш, как он выразился, в ритме танго. Вечерком хорошо бы завалиться к Анюте, с цветами и шампанским. Очень романтичная девушка, очень; Игорёк изрядно соскучился по романтическим барышням. И бабушка будет довольна. Скромная студентка культпросветучилища, без закидонов. С наивным взглядом васильковых глаз. Хотя, откуда здесь, в Москве, взяться наивности?

– Ты понял меня? – наконец выговорила бабушка.

– Всё понял, бабуля. Бегу исполнять!

– Охламон. Хоть бы в гости зашёл.

– Завтра, завтра забегу. Или на днях.

Надо было организовать и бежать по делам. Стоп! А починить дверь? Игорёк почесал мобильником затылок и решил дверь опечатать, залепить скотчем. Вырвал из записной книжки листок, черкнул: "Квартира опечатана таким-то районным отделом милиции города Москвы. Оперуполномоченный..." Игорёк задумался, какую поставить фамилию, и написал: "Н. Н. Наливайко".

Оделся, вышел, как можно плотнее затворил дверь, прилепил лейкопластырем – скотча в квартире не обнаружилось – записку. И двинул к Артемию дописывать "частушки".

Денёк выдался теплый, погожий. Ветра почти не было, но то, что всё же дуло, казалось благовоением для истерзанной погодной сумятицей Москвы. Игорёк расстегнул куртку, распустил шарф, повязанный на шее скорее из пижонства. И вдыхал воздух полной грудью.

Он шёл по улице и думал о своём бессмертии. Особого величия в этом факте нынче, на трезвую голову, он не находил, но всё же какое-то удовольствие присутствовало. Игорёк смело перешёл дорогу в неполюженном месте, хотя рядом был подземный переход. Машин теперь можно было не бояться и, следовательно, не нужно уподобляться городским кротам. Игорёк любовался собой, походка его была упругой, а лицо светилось счастьем.

У метро, на перекрёстке стояла машина скорой помощи. Двое скучающих санитаров лениво переговаривались с водителем, вялая его рука с сигаретой свисала из открытого окошка дверцы. Похоже, сюда они приехали покурить и поскучать.

Перед дверями Игорёк столкнулся с невзрачным, словно бы высушенным субъектом неопределённо пожилого возраста. Как-то некстати случился тот на пути. Субъект, восстановив равновесие, глянул кротко и произнёс:

– Ничего-ничего, юноша.

– Ну-ну, – бросил на ходу Игорёк. Что ему было теперь до каких-то субъектов?

Игорёк влетел в павильон, прошёл сквозь турникет и побежал по эскалатору. Людей в это время дня было мало. Впереди маячил щуплый паренёк в синей бандане, перегородив путь, торчал у левого поручня. Игорёк с удовольствием задел его плечом так, что того развернуло, и помчался дальше.

На платформе было пусто, только что отправился поезд. Игорёк, ожидая следующего, насвистывал "Компарситу", прикидывая каким манером можно сотворить из неё свадебный марш.

Кто-то похлопал его по плечу. «Эй, приятель!» Игорёк недоумённо обернулся, и в тот же миг получил сильный удар в челюсть. В глазах сверкнуло желтизной. Бил давешний парень в бандане. Схватив Игорька за рукав, крутанул, толкнул с платформы. Раздалось шипение, в нос шибануло горелым. Игорёк перевернулся, встал на четвереньки между рельсами, – ничего не болело, – и увидел обугленную манжету своей "кожанки".

Послышался рокот приближающегося состава. Медленно, как в рапиде, Игорёк выпрямился и медленно полез из ямы. Взвизгнули и протяжно заныли тормоза, тушу состава несло на Игорька, а он всё никак не мог выбраться. И когда уже наполовину выкарабкался, вагон ударил его в бок и как котёнка швырнул на платформу. Игорёк потерял сознание.

В больничной палате кроме него находились ещё двое. Бритоголовый крепыш, на котором даже больничная пижама казалась военной формой, и долговязый блондин со странным взглядом – не поймешь, то ли думает сосредоточенно, то ли держит тебя на мушке.

Игорёк ощущал себя совершенно здоровым и никак не мог понять, как здесь оказался и что здесь делает. Крепыш подсел к нему на койку и спросил:

– Тоже на обследование?

Игорёк сосредоточенно пялился в потолок. Он вспоминал. Вспомнил утренний чай с кипятком, прыжок в Великое Ничто на кучу мусора, разговор с бабушкой. Потом вспомнилась Аня из культпросвета. Какой бы у них могла сложиться семейная жизнь? Пилила бы его или не пилила? Капала бы на мозги или не капала? Стоп, не то. Как он сюда попал, здоровый и довольный жизнью бессмертный с большими планами на будущее?

Игорёк крикнул, поднялся с койки и пошёл разыскивать кого-нибудь из медперсонала. "Молчит", – донеслось вслед из палаты.

В ординаторской сидел врач и играл на компьютере в тетрис.

– Уже встали? Очень хорошо, – рассеянно сказал он.

– Доктор, – сильным голосом спросил Игорёк, – а что со мной было?

– Потеря сознания, – словно бы, между прочим, ответил врач. – Давление обычно пониженное?

– Не знаю, – «Какая такая потеря? С чего это вдруг? В жизни сознания не терял».

– Надо знать, – усмехнулся доктор. – Не в каменном веке живём. Ну что ж, долго вас мучить не будем, подержим ещё пару часиков, понаблюдаем – и на выписку. Если хотите, рекомендую снять томограмму. На всякий пожарный.

– Снимите, – решительно заявил Игорёк.

Он ощущал большое желание узнать, что у него там, в голове.

– Полторы тыщи рублей, – сообщил доктор. – Или, если угодно, полтинник зелеными.

Пятидесяти долларов Игорёк было жалко. Поэтому он поинтересовался:

– А дешевле?

– Нельзя. Соглашаемся? – Игорёк кивнул. – Следуйте за мной.

Игорёк вздохнул и поплёлся за врачом.

Никаких органических нарушений в мозге обнаружено не было. И вообще, это был самый обычный, заурядный мозг. "Ну вот, зря пятьдесят баксов выкинул", – констатировал Игорёк и в невесёлом настроении вернулся в палату.

В палате его ждали, и, кажется, ждали с нетерпением. На тумбочке стояла бутылка водки, рядом лежала небрежно порезанная буханка бородинского хлеба и три соленых огурца.

– Ну что, братуха, к несению службы годен? – осведомился крепыш. – Садись, покалякаем.

– Наливаю, – сообщил долговязый. Извлёк из тумбочки три граненых стакана и налил грамм по сто. – Да ты садись.

Игорёк уселся, взял стакан.

– Я собирался бросать это дело. Завязывать, – брякнул он.

– Зачем? – удивился крепыш.

– Володя, – представился долговязый и поднял стакан. – За знакомство.

– Серый, – представился следом бритоголовый крепыш.

– Игорь, – вздохнул Игорёк.

– Чего смурной, Игорёк? – спросил Володя.

Произносил он слова тоном серьёзным, наверное, иначе не умел. Ни участия, ни интереса не было в его голосе. Игорёк подумал: "С таким ухо надо держать востро. Да и со вторым тоже". Серый же слова словно выплёвывал, как семечную шелуху. Знал Игорёк одного такого, в детстве. То был пацан из их двора. Так же легко выплёвывал слова и ни с того ни с сего мог захватить по уху, или дать подножку. А когда упадешь – прыгал тебе на спину и долго, сосредоточенно сопя, таскал за космы, возил мордой по земле.

– Небось, списали? Врачуги здесь – зверьё! – произнёс Серёга и хрустнул огурцом. – Ты закусывай, не стесняйся.

– Что-то ты... – задумался Володя. – Чернушку чего не рубаешь?

Игорёк послушно взял краюху бородинского и принялся жевать.

– Ясно, "зарезали", – сделал вывод Серый. – Где шаманил, братан? В Чечне?

– Я музыкант, композитор. Я песни пишу, – в сердцах обронил Игорёк. За кого его здесь принимают?

Серый сочно рассмеялся.

– Музыкант, говоришь? Что-то фактура у тебя не для симфоний. Ясен пень – или снайпер, или на гранатомёте наяриваешь. А иначе – чё ты тут делаешь? Лады, затаился – хрен с тобой, пытаться не будем.

Серёга снова расхохотался. На этот раз как-то жутковато. Серьёзный Володя ухмыльнулся.

"Братки, что ли? – подумал Игорёк. – А при чем тут Чечня? Да они – спецназовцы! Что же это за богадельня, и как я в неё попал?" Вдруг его осенило:

– Слышите, мужики, я того...

Он огляделся.

– Иголки ни у кого нет?

– На. – Серый распечатал одноразовую упаковку шприца.

– Смотрите.

Игорёк вогнал иголку в ладонь – остриё вышло с тыльной стороны, – и выдернул.

– Видали? Я боли не чувствую. Совсем. А вы – пытаться...

– Оп-паньки! – уважительно откомментировал Серый. – Да с таким бойцом можно хоть к Басаеву. У тебя какая секретность?

– Какая надо.

– Ты сейчас задействован? – спросил Володя.

– Свободен. Как птица. Я же вам говорю – я музыкант. Мне, вон, три шлягера сегодня сочинить, будь они неладны, и величальную к свадьбе одному хмырю. Послать бы это всё к такой-то... Мужики, может, вы знаете, как я сюда попал? Что это за богадельня?

Серый раздумчиво разлил по стаканам остатки водки.

– Свободен, говоришь? И давно не участвовал?

– Прилично, – соврал Игорёк и, не чокаясь, выпил.

– Да, кисло тебе должно быть.

– Да как-то кисловато, конечно, – согласился Игорёк.

– Мы тут в Ирак собираемся, – сообщил как что-то обыденное Володя и снова уставился на Игорька своим странным пристальным взглядом.

– Володя в нашей группе – старший, – пояснил Серый, – рукопашный бой, все виды холодного оружия, руководство операций. Лейтенант. Я – огневое прикрытие. Все виды стрелкового оружия, гранатомёт, минно-подрывные средства. Старший сержант. А ты?

Игорёк был вообще-то младший лейтенант запаса, но ни дня в армии не служил, и даже на сборах состоял при оркестре.

– Я – клавишник.

– Ну, так бы и сказал, а то тянешь кота за яйца, – с облегчением вздохнул Серый. – А звание?

– Младший лейтенант.

– Отлично, то, что надо. Нам как раз третий нужен. В Ираке, оно знаешь как? Больше трёх – не спрячешься. Там же пустыня, мать её. Гладкая, собака, как стол. Из космоса всё как на ладони. Короче, врачуги что сказали? Годен?

– Томограмма в порядке, и вообще...

– Понятно. Контузия? – на свой лад понял Серый.

– Да пришлось... – не зная, что ответить, промямлил он.

– Па-анятно. Ну, так чё решил?

"Вот влип, в натуре, реально влип, конкретно, – обречённо думал Игорёк. – Как же выкрутиться? Ехать в Ирак? Дичь какая-то. Что я здесь вообще делаю? Надо лянть из больницы. Немедленно".

– Ну ладно, я с вами, – для отвода глаз соврал Игорёк. Он вообразил, что сейчас его выпишут, и больше этих двоих он никогда не увидит.

Долговязый Володя поднялся и вышел из палаты.

Серый же продолжил:

– Лады. Вылетаем завтра в пять утра на Тель-Авив. Из Шереметьева. Мы – туристы. Визы будут готовы к вечеру. По пересечении границы с Сирией, получим инструкции и оружие. Будут тебе, Игорёк, твои клавиши.

"И тут – Игорёк. Да что, у меня на лбу написано, что ли?" – совсем расстроился Игорёк. Впрочем, хватит расстраиваться – через час его уже здесь не будет.

Вернулся Володя.

– Значит так, – совсем уж серьёзно, так, что внутри у Игорька что-то оборвалось, произнёс он, – Игорь Святополкович Хромов, я распорядился – ваш паспорт отправлен с курьером для оформления загранпаспорта и визы. Прививки надо сделать сегодня, сейчас.

"Не, ну как я сюда попал? – подумал Игорёк. – Это же сто пудов, что "закрытая" клиника. Ну, везёт! Что оно всё так на меня навалилось?"

Вспомнилось хищное лицо Весёлого Джафара. Игорёк посмотрел на иглу, лежавшую на тумбочке.

– Слышь, Святополкыч, ты где научился кровь останавливать? – уважительно спросил Серый. – Ни капли не капнуло.

– Есть места, – многозначительно ответил Игорёк. – Мужики, эта... Я в Ирак не того. Зачем он мне нужен, мужики?

– Даю два часа на отдых, – сказал Володя. – Чтобы спирт в крови успел расщепиться. Потом прививки.

«Вот скоты, не слушают. Всё равно сбегу. Дождусь, когда оба выйдут и – сбегу. Ой, а паспорт? Паспорт выманить назад надо...»

Игорёк безропотно улёгся на койку и закрыл глаза.

Проснулся он, когда вошедшая в палату сестра громко объявила:

– Хромов, на прививки!

Он послушно встал и послушно побрёл за медсестрой. Поднимаясь по лестнице в манипуляционную, Игорёк любовался аккуратной попойкой сестрички.

– Вас как зовут? – осведомился он.

– Я замужем, – отрезала та.

– Почему же так холодно? Я композитор. Настоящий. "Гип-гоп радио" слушаете? Я там главный. Игорь, можно просто Игорёк.

– Я замужем. А какой вы там композитор – мне не интересно. Прошу, – и она распахнула дверь манипуляционной.

В нос ударил противный запах сывороток.

– А я совсем нечувствителен к боли, – сделал последний заход Игорёк. – Совсем боли не чувствую.

– Вот сейчас и докажете, – медсестра позволила себе улыбку. – Спускайте штаны и на кушетку. Животом вниз.

Вернувшись в палату, Игорёк застал там лишь Володю.

– А Серый где? – осведомился он.

– Покурить вышел. Садись, поговорим.

Игорёк сел.

– Значит так, Игорь Святополкович, – я выяснил про тебя всё. Ты бессмертный на договоре. Так?

Игорёк молчал.

– Так. Боец из тебя хреновый, но твои способности можно использовать. Не вздумай дергаться или куда-то смыться. Ты теперь под контролем.

Пояснить, что такое "под контролем", Володя не стал.

– Стометровку за сколько бежишь?

– А?

– Бэ.
– А-а... Это... Не знаю.
– Подтягиваешься сколько?
– Ну, это... много.
– Точнее?
– Раз тридцать могу.
– Маловато, – констатировал Володя. – Жим лёжа?
– Сто двадцать.
– Уже лучше. Потянешь. Бассейн, конечно, посещаешь?
Игорёк кивнул.
– На расстояние сколько проплываем?
– Это я знаю, – обрадовался Игорёк. – Я летом на спор в Крыму, в Новом Свете, километров пятнадцать...
– Насчёт температурной выносливости как?
Тут Игорёк, наконец, вспомнил, что он бессмертный.
– Да хоть как.
– Это я понимаю, – Володя усмехнулся своей неприятной усмешкой. – Боишься меня?
Игорёк чуть было не сказал "да", но ответил неопределенно:
– Может быть.
– Ладно. В четыре утра встречаемся в аэропорту. Там получишь свои документы. И не вздумай исчезнуть. Неуязвимый ты там или нет, из-под земли достанем и замуруем. В бетон. На века. Свободен, лейтенант.
– Но по какому праву? Я вам что?..
– Не что, а кто. Послужим Родине, Игорёк. Так надо. Иди.
Игорёк встал и пошёл к двери.
– Да, ещё одно, – сказал ему вслед Володя. – Для Сереги ты – боец с астральным тренингом. Ни про какие договоры со Службой Абсолюта знать он не должен. Усвоил?
Мысленно выматерившись, Игорёк покинул странное учреждение. Выйдя на крыльцо, поискал взглядом вывеску. "Больница номер такая-то. Третий стационар". "Маскировка, – подумал он. – Ничего не поймёшь".
Прочитал название улицы и удивился. "Ого, в Тушино завезли». Поддел носком камушек и зафутболил его куда подальше. "Да уж, лихо начинается вечная жизнь". Он вновь вспомнил улыбающегося Хомоеда и недовольного Теодориха Второго. Удружили высшие сущности, будь они неладны. Вот скажите, кто они – ангелы или черти?

До полуночи Игорёк играл на синтезаторе марши гражданской войны и смотрел новости из Ирака. На «Си-Эн-Эн» царило благорастворение: «наши ломают, враг бежит». На рассвете 3-я механизированная дивизия вступила в битву за Кербелу, город в восьмидесяти километрах от столицы. Развернулось грандиозное сражение, наикрупнейшее с начала иракской операции, которое, однако, к полудню утихло. Дивизия постояла, блокируя город, и в середине дня без проблем вошла в него, обнаружив, что сражаться, в общем-то, было не с кем. Вместе с взятием у Эль-Кута последнего стратегического моста через Тигр путь для охвата Багдада с востока был открыт. В 40 километрах от столицы та же 3-я героическая механизированная дивизия буквально за считанные часы уничтожила две элитные дивизии республиканской гвардии – «Багдад» и «Медину». Трудно сказать, что больше способствовало столь беспримерному успеху американского оружия, – ковровые бомбометания или классический подкуп туземных генералов – но как бы то ни было, вторая линия обороны Багдада была преодолена. И к исходу дня войска коалиции оказались уже в 30 километрах от столицы. В то же время положение под Басрой представлялось коалиционной армии безнадёжным: город сра-

жался, и его бомбили тяжёлая артиллерия и авиация. В этот день на юго-западе Ирака был сбит F-14 «Томкэт», двоих лётчиков эвакуировали вертолётами; в ночь на среду была проведена успешная операция по спасению девятнадцатилетней рядовой Джессики Линч из состава батальона тылового обеспечения. Как выяснится позже, никем рядовая захвачена не была, а лежала в иракском госпитале после подрыва колонны тылового обеспечения. Днём, будучи в Тамбове, Владимир Путин заявил, что по политическим и экономическим соображениям Россия не заинтересована в поражении США. А в шесть часов вечера по московскому времени началась самая мощная бомбардировка Багдада, его южных пригородов и центральной части в районе президентского дворца, продолжавшаяся волнами до глубокой ночи. Город заволокло чёрным облаком дыма.

Оборвав «Марш Первой Конной», Игорёк произнёс: «Чёрт побери, а почему бы нет?!» Мгновение назад он думал, что завтра понесёт в милицию заявление о пропаже паспорта, в котором собирался всё списать на нечаянный обморок. Но, не без удивления осознал, что ему хочется настоящего дела. И хочется этого по-настоящему. Как поднятый охотниками медведь в берлоге, что, расшвыривая землю и гниль прошлогодней листвы, лезет на свет божий драться насмерть, заворочался в нём мужик.

Игорёк вытащил из-под дивана дорожную сумку, покидал в неё вещи, mp3-плеер, цифровую камеру. Заказал такси на два часа ночи и лёг передумать. Времени оставалось мало.

Его разбудил друг Артемий. Открыл своим ключом, хотя Игорёк сто раз просил звонить: "Может, я здесь с дамой".

– Ты куда намылился? – бесцеремонно изучал содержимое сумки Артемий. – Я тебя никуда не отпускал.

Игорёк зевнул.

– Улетаю. На землю обетованную.

Физиономию Артемия перекосило.

– Шутки шутишь? А работа? Завтра сводим запись и запускаем в эфир.

– Да пошёл ты со своим эфиром. Рабовладелец.

– Ты из себя опущенного раба не строй. Тебя кто в Израиль пригласил? Фельдман? Нет, не он. Димочка-барабанщик. Ну конечно, Димон. Вот что меня в тебе бесит, братуха, так это твоя мелкота. Тебе солидные проекты на такие бабки предлагают, а он, понимаешь, по ресторанам лабать в какой-нибудь вонючей Беер-Шеве. Да что в том Израиле есть такого, что я не могу тебе здесь предложить? А?

– Димон – нормальный пацан. Классный был барабанщик. – Игорёк посмотрел на часы. – Ты меня извини, мне ещё побриться надо.

– Урод, – вынес приговор Артемий. – Будешь назад проситься – не возьму.

– Возьмёшь-возьмёшь. Только, буду ли я проситься? Вот в чём вопрос.

Артемий постоял, посопел и ушёл в столовую, накатить сто грамм.

Освежившись и экипировавшись, Игорёк заглянул к Артемию.

– Ну что, старик, покедова?

– Вали, ничтожество. Тебе ещё икнётся.

– Будем посмотреть. Ты пошли меня по матери, что ли, на удачу.

– Хрен тебе, а не удача, – напутствовал его Артемий.

В Шереметьево было ветрено, в Шереметьево весна только начиналась. Запахнув плотнее джинсу куртки, Игорёк выскочил из такси. Володя с Серым ожидали его у входа в здание аэровокзала.

Игорёк подошёл и молча кивнул. Серый окинул его одобрителем взглядом – сумка на одном плече, камера на другом – и сказал:

– Ну, ты молодец. Вылитый турист.

С Володей было что-то не так. Игорёк напряжённо соображал, что именно не так.

– Не пьясь, боец. Я сменил окрас.

Тут до Игорька дошло, что из блондина Володя превратился в жгучего брюнета.

– Получи документы. – Володя протянул конверт.

Игорёк вытащил из конверта загранпаспорт, карточку медицинской страховки и тощую пачку долларов.

– Не бойсь, всё как в аптеке, – хлопнул его по плечу Серый. – Ну, ты вылитый турист, клавишник.

Смотрелся Игорёк совсем недурно. Джинсовый куртец на меховой подкладке, джинсовые же штаны, кепка-бейсболка, надетая козырьком назад, дорогие кроссовки "Найк" и хлопчатобумажная рубашка в крупную клетку. Фигура у него мощная, стройная, лицо мужественное, с волевым подбородком. Кто б подумал, что тридцать два года он прожил с заячьей душой? Голубые глаза. Одним словом – любимец женщин и кандидат в супермены.

– Вперёд, – скомандовал Володя. – Посадка объявлена. Идём по «зелёному коридору».

– А доллары? – спросил Игорёк, имея в виду таможенную декларацию.

– Таможня даёт добро, – пошутил Серый. – Ты прямо как новичок.

– Просто я за рубеж только в Анталию... На курорт.

– Бывает.

В здании аэропорта было почти что пусто. С таможен и в самом деле заминки не произошло: глянули в паспорта, да и запустили в "дьюти-фри". Игорёк хотел было затариться дешёвым вискарём, но Володя подтолкнул вперед, мимо дверей магазина.

– Будет время.

– Будет так будет...

В "гармошке", присосавшейся к борту «семьсот сорок седьмого», Игорёк замедлил шаг. Он оставлял за спиной прежнюю жизнь и входил в новую. Слово в полёт к далёким мирам, и когда вернется, никого из тех, кого знал в прежней жизни, не застанет. По спине пробежали мурашки, захотелось ругнуться.

В проёме двери стояла очаровательная бортпроводница. Игорёк изобразил на лице мужественную улыбку. На войну, так на войну!

Войдя в скупо освещённый салон, Игорёк подумал: "Вот так и надо начинать новую жизнь – отправляться в путешествие".

Самолет покатил, оставляя позади огни аэропорта, оторвался от земли и устремился в чёрную высь.

3

В связи с войной, желающих лететь в Израиль было не много. Кроме наших туристов-спецназовцев, в эконом-классе были ещё трое, с охраной. Люди солидные. Один с колючим, с шалой искрой взглядом, рыжая борода. Впрочем, у остальных тоже бороды, колючие взгляды и неторопливые, уверенные жесты. Все трое говорят веско, солидно. В общем, рыжий, чёрный и седой. Позади бизнесменов возвышались угрюмые телохранители в одинаковых чёрных пиджаках.

И вели эти солидные люди неспешную беседу под водочку и бутербродики с красной и чёрной икоркой о вещах серьёзных, значительных. На откидном столике имелась откупоренная бутылка "Столичной" и тот, кто сидел посередине, а это был седой, плескал время от времени в одноразовые стаканы. Пили, прихлебывая, прикрывая, поглаживали бороды, закусывали бутербродиком.

– Ну, а с углём как? – спрашивал рыжий.

– Ничего, – отвечал седой, – нынешний год с рук сошёл аккуратно. Грешно жаловаться. Вот в прошлом году, могу сказать – не приведи бог! Семьдесят центов с тонны теряли.

– Ге, ге, ге, – заметил рыжий.

– Что ж, – прибавил чёрный. – Не всё профит. У хлеба не без крох. Перегружать, видно, много приходилось?

– Да только в Мариуполе раза три, что ли. Такие проблемы, что не дай господи. А партия-то, сказать по чести, закуплена была у нас немалая.

– ФОБом? – спросил рыжий.

– Никак нет. СИФом. Ну, а уж перегрузка, известное дело. Таможня. Кожу дерут, мошенники. Бога не боятся. Что станешь с ними делать!

– Кто ж от барыша бегают? – заметил рыжий о кознях таможни.

– Известное дело! – прибавил чёрный.

– Да-а-а! – добавил седой.

Рыжий стал рассказывать:

– А я так в прошедшем году сделал оборотец. Куплено было, извольте видеть, у меня у татар в Донбассе несколько миллионов тонн первейшего, могу сказать, сорта коксующегося угля, да пятьсот тысяч тонн, что ли, взял у директора шахты, самого, этак, смешно сказать, дерьмового. Директор-то в карты проигрался, так и пришёлся-то уголёк его больно сходно. Гляжу я – уголёк-то дрянь, ну, словно мякина. Даром с рук не сойдет. Что ж, говорю я, тут думать. Взял да и перемешал его с коксующимся, да и спустил всё на Кипре перекупщику за первый, извольте видеть, сорт.

– Что ж, коммерческое дело, – сказал чёрный.

– Оборотец известный, – закончил седой.

Между тем Володя с Серёгой потребовали у хорошенькой бортпроводницы водки и закуски. Игорёк же с любопытством прислушивался к разговору трейдеров. В эконом-класс вошёл четвертый, в синем ношенном костюме, и остановился подле солидных людей. Перевёл дух, а потом, потряхнув головой, почтительно обратился к седому:

– Сидору Авдеевичу наше почтение.

– А, здорово, Потап. Давай-ка, выпей чарочку с нами.

– Много доволен, Сидор Авдеевич. Всё ли подобру-поздорову?

– Слава богу.

– И жена и детушки?

– Слава богу.

– Ну, слава тебе господи. В Тель-Авив, что ли, изволите?

– В Тель-Авив. Да присядь-ка, Потап.

– Не извольте беспокоиться. И постоять можем.

– А стаканчик?..

– Много доволен.

– Сто грамм.

– Благодарю покорно. Дома пил.

– Эй, Фёдор, – повернулся Сидор Авдеевич к охраннику, – дай ещё стаканчик.

– Ей-богу, дома пил.

– Полно. Выпей-ка и закуси на здоровье.

– Не могу, право.

Седой протянул Потапу стаканчик, а Потап, поблагодарив, выпил одним духом, после чего поставил его бережно на столик и поблагодарил снова.

– Ну, вот и ладно. Спасибо, Потап. Ну-ка, ещё стаканчик.

– Нет уж, ей-ей, не вмоготу. Большое спасибо за ласку и угощение. Чувствительно благодарен. Да, Сидор Авдеевич, я к вам с просьбой.

- Передать, что ли, по торговле в Израиле?
- Так точно. Аарону Мойшевичу. Очень прошу, вас на таможне не досмотрят.
- Много, что ли?
- Тысяч десять.
- Пожалуй, брат.

Тут Потап вынул откуда-то из брючины до невероятия грязный лоскуток бумаги, в котором завёрнуты были деньги, и почтительно подал их седому. Седой развернул испачканный свёрток, внимательно пересчитал купюры, потом сказал:

- Десять тысяч двести семнадцать долларов. Так?
- Так точно.
- Хорошо, брат. Будет доставлено.

Седой отвернул полу своего пиджака, всунул довольно небрежно свёрток в карман брюк и занялся посторонним разговором.

- Как бизнес, Потап?
- Помаленьку. К чему бога гневить?
- Ты ведь, помнится, мукой промышляешь?
- Чем попало. И муку, и удобрения продаём. Дело наше маленькое. Капитал небольшой, да и весь-то в обороте. А впрочем, жаловаться не могу.
- Ну-ка, Потап, теперь ещё стаканчик.
- Нет, уж право. Никак не могу.

Несмотря на упорное отнекивание, Потап снова выпил водки и закусил бутербродиком, потом, поблагодарив снова, почтительно пожал руки седому, чёрному и рыжему, каждому поочередно пожелал здоровья, хорошего пути, всякого благополучия и, наконец, вышел из салона.

Вся эта сцена возбудила любопытство Игорька.

– Позвольте спросить, – сказал он, подсаживаясь к трейдерам. – Он вам родственник, верно?

- Кто?
- Да вот этот, что сейчас вышел. Потап.
- Ничего подобного. Я его, честно сказать, почти что и не знаю вовсе. Он, должно быть, мелкий коммерсант.

– Так вы дела с ним ведёте по переписке?

Седой улыбнулся.

– Да у него, подозреваю, три класса образования. А дел у меня с ним не бывает. Обороты наши будут посолиднее ихних, – прибавил седой с лукавым самодовольством.

- Так отчего же он не посылает деньги маниграммой?
- Так известное дело, чтоб не платить процент за пересылку.
- А как же он не потребовал от вас расписки?

Чёрный и рыжий засмеялись, а седой вдруг взбесился не на шутку.

– Расписку! – закричал он. – Расписку. Да если б он от меня потребовал расписку, я бы ему его же деньгами рожу раскроил. Слава богу, с советских времён дела веду, а такого ещё со мной срама не бывало.

– Извольте видеть, молодой человек, не имею удовольствия знать, как вас звать, – сказал рыжий, – ведь это только между олигархами да иностранцами такая заведенция, что расписки да векселя. У нас, в торговом деле, такой политики не употребляется. Одно нашего слова достаточно. Бухгалтерией заниматься некогда. Оно хорошо для чиновников да налоговиков, а нашему брату несподручно. Вот, примером будь сказано, – продолжал он, указывая на седого, – он торгует, может быть, на миллиард долларов в год, а весь расчет на каких-нибудь лоскутках, да и то только так, для памяти.

– Да это как-то непонятно, – удивился Игорёк.

– Где ж вам понять? Дело коммерческое, без плана и фасада. Мы с детства привыкали. Ещё во времена самые некоммерческие. Сперва у цеховиков, либо на базах, а уж после и сами сколотили капитал. Тут уже, голубчик, дремать некогда. Фабрику приватизировал – сиди на фабрике. Биржу открыл – не пропускай хорошего покупателя. Если левак какой выгодный на стороне есть, не жалея костей, езжай хоть на край земли, но никому не доверяй. Сам лучше разберёшься, без академиков, по простому своему разуму. Работа нелегкая. Сам у себя батрак. Причём, ещё и частенько "влетаешь". Ну, а не ровен час, и дрянной товар пойдёт втридорога. Об прихотях да особняках на Рублёвке думать не приходится. Вот, например, костюмчик, что на мне, никак уж третий год как шит, а в пиджачке-то сотня "тонн" с хвостиком; и у них вон не меньше будет, а то и побольше.

– И вы не боитесь, что на таможне отберут? – спросил Игорёк.

– Ничего, голубчик. Бог милостив. Мы люди не жадные, да и народ на самом деле не такой уж азартный. Ну, сотенку-другую дашь кому, пожалуй. Разве ж дурак какой-нибудь станет отнимать такие деньги? Вот мы уже который раз в Израиль ездим. Ни от кого обиды не видали.

– Знаете, юноша, – подхватил седой, – вот когда плохо: когда наш брат зазнается, да в министры-депутаты полезет, да начнёт стыдиться своего прошлого, значок на лацкан нацепит, да по-чиновничьи начнёт копышаться. Дочерей выдаст за таких же уродов, сыновей запишет в дворяне. Сейчас это модно. Тогда он – непонятно кто. По значку на лацкане кажется, что депутат, а всё равно отдаёт сивухой. Тогда и делишки порасстроятся и распутство начнётся, гульба, пьянство... Ни бога, ни чёрта не станет бояться. А там уж и кредит рухнет, и не только без расписки или по векселю, а и гроша ему никто между нами не даст. Только и останется, что государство доить. А там таких охотников – семь этажей. Друг на друге сидят. Костей потом не соберёшь. Коли нет души, на чём хочешь пиши. Ей-богу.

Седой довольно рассмеялся и выпил водочки.

Игорёк призадумался. В общем-то, судьбами России он никогда не интересовался, как и торговлей углём. Однако, за неимением сведений, он составил себе о русском торговом направлении какое-то утопическое понятие, не совсем сходное с действительностью и не совсем соответствующее с возможностью. От незнания и необдуманности, рассуждая об этих предметах, давал он решительные промахи. Зато мог спорить долго, горячо, но поверхностно.

– Позвольте, – сказал он, – возразить. Мне кажется, что у нас в России сейчас много людей покупающих и продающих всё подряд, но настоящей систематической торговли у нас нет. Для торговли нужна наука, нужны образованные люди, расчёты, бизнес-планы, менеджмент, в конце концов. Вот вы наживаете миллионы, потому что не уважаете потребителя, которого можно лажать как угодно, и потом вывозите свою копейку в разные офшоры. У вас только одна сиюминутная выгода. Каждый сам по себе, ни друзей, ни товарищей. Не говоря уже о пользе государству. Вам только одно: купить подешевле, а продать подороже. Честность ваша тоже двойная: вас облапошили, значит, обманули, вы облапошили – получили прибыль. Весь этот ваш бизнес – грабительство. Потребитель страдает, и вся страна нищает из-за ваших взяток.

– Осторожнее, молодой человек! – воскликнул рыжий. – Мы не чиновники. Нас не тронь!

– Вы хуже. Чем вы хвастаетесь? Что ездите в надоевших мерседесах, ходите в этих всех доставших пиджаках от кутюр? Или наоборот, что демократически летаете эконом-классом, а не первым? День и ночь трудитесь? Да ведь при ваших деньгах это не лучше тех из ваших, которые гуляют в элитных борделях, или с цыганами, или, получив вход в Кремль, воображают себя хозяевами государства. А призвание русской деловой элиты – заботиться о благоденствии России. Что Россия – хуже Америки?

При этом красноречивом заключении рыжий и чёрный вытаращили глаза. Седой, казалось, о чём-то размышлял.

– Вы, может быть, – отвечал он после долгого молчания, – кое в чём правы. Только зачем так грозно? Люди мы и в самом деле простые. И эконом-класс нам не зазорен. А вот как приберут всё к рукам американцы-аферисты, так на боингах уже и не полетаешь. Нет уж, как умеем, так и можем. Лучше наш порядок, чем ихний. Выпей вон лучше с нами водки...

– Нет, спасибо. Я с ребятами собирался...

– Сто грамм.

– Правда, не могу.

– Под икорочку!..

Чтобы не обижать благодушных трейдеров, Игорёк выпил с ними сто грамм, потом ещё. Потом говорили о политике, о войне в Ираке. О том, что бизнесу это дело побоку. Пускай нефтянники плачутся, вон, Ходор икру мечет. Да у них, у нефтянников, в Штатах всё схвачено, им все убытки проплатили вперёд. И выделили канал для поставок русской нефти в США, по хорошим ценам.

Когда же торговцы напились до полуневменяемости, Игорёк вернулся к своим спутникам.

Из-за всё тех же военных действий лететь пришлось кружным путём, с посадкой в Афинах. Там на борт поднялась группа русских туристов. Туристы пребывали в весёлом, игривом настроении, травили анекдоты об арабах и евреях, словно летели на войну, и войну эту должны были им показывать, как показывают в цирке клоунов и дрессированных зверушек.

В Тель-Авиве светило солнце и было тепло, как и должно быть на земле обетованной. В воздухе ощущалась свежесть моря, одним словом, курорт. Игорёк спрятал свою теплую куртку и шёл следом за Володей и Серым. Как они ухитряются не заблудиться в переходах Бен-Гуриона? Наверное, не в первый раз.

Израильская таможня оказалась вялой и нелюбопытной. Может, и были приняты все меры повышенной безопасности, но на туристов из России они, похоже, не распространялись. Зато все ходили с противогазами в картонных коробках на боку, ожидая ракетного гостинца от иракского генерала Химического Али, который в это время держал оборону Басры.

Вынырнув из подземного тоннеля, троица оказалась на стоянке такси. Володя жестом подозвал таксиста и обратился к нему на незнакомом языке, наверняка, на иврите. Водитель, услышав "Газа", стал мотать головой. Володя достал одну стодолларовую купюру, другую – не помогло. Серый, разозлившись, сплюнул и в три этажа обложил таксиста, его мать и государство Израиль.

– Так вы русские! Так бы и говорили сразу, – ответил таксист на русском языке, испорченным нехорошим акцентом, словно скопированным у его собратьев по эмиграции с Брайтона.

Удивительное дело, где Америка, где Израиль, а русское произношение портится всюду одинаковым образом.

В дороге таксист всё болтал. Сперва расспрашивал, как дела на родине, проявляя большую осведомлённость в политических реалиях России.

– А что, мы все здесь спутниковое телевидение смотрим.

Потом перешёл на профессиональные проблемы.

– Для таксиста Тель-Авив, – говорил он, пока за окном машины мелькали дома и домишки, – хреновый город. Улицы узкие, кривые. Везде знаки стоят. Бывает, чтобы на соседнюю улицу попасть, надо пол города объехать. И везде полицейские. Злые, как черти, не то, что у нас. Взятку предложишь – в тюрьму загремишь. Я как приспособился? Паркуюсь, где захочу. Здесь все паркуются где могут, иначе за машиной через весь город переть. Выхожу и гляжу на другие машины. Обязательно у кого-то торчит штрафняк, квитанция. Беру её и за свой "дворник" пихаю. Всё, порядок. Я вроде как оштрафован. Потом эту бумажку в мусор.

– А если тот уедет без квитанции, его же потом прав лишат? – спросил Игорёк.

– На дом пришлют. Здесь у них всё так. А заберут права – так и хрен с ним. Ненавижу этих местных. Мы для них галута, недоношенные. Чего они с арабами скубуются? Арабы нормальные ребята. Есть доллары – все твои друзья. А нищий никому не нужен. Здесь вам, ребята, не Россия.

– В России нищие просто замерзают, – негромко произнес Володя, и таксист замолчал.

По-видимому, он эмигрировал ещё во времена развитого социализма и сохранил о Родине самые неправильные воспоминания.

Дорога то пересекала песчаные поля, то летела в луга, полные сочной весенней травы, то окружалась рощами апельсиновых деревьев и возделываемыми кибуцами полями. Мелькали небольшие аккуратные, полные зелени и цветов селения. Страна производила впечатление мира и благополучия.

До Газы, столицы одноимённого сектора, они не доехали несколько километров, свернули в городок Джабалию. Въезжать на его улицы таксист не стал, остановился у блок-поста.

– Вы, ребята, самое сраное место нашли во всём секторе, – не удержался он от комментария. – Лагерь беженцев, Хамас... Поимеют вас.

– Езжай, – приказал Володя.

Солдаты армии Израиля долго проверяли документы, недоумевали, что может понадобиться русским в арабском поселении. Володя произнёс несколько фраз на иврите, отчего сержант пришёл в возбуждение и принялся энергично жестикулировать.

Блок-пост остался позади, и Серый спросил Володю:

– Чего это он?

– Я сказал, что мы не евреи, а русские, нам бояться нечего.

Улицы Джабалии ничем не отличались от улиц любого арабского городка: пыль, мусор, голопузые детишки и одно-двухэтажные дома, тесно сцепленные между собой.

Володя вёл уверенно. И снова Игорьку, как в аэропорту, подумалось, что он здесь не в первый раз. Остановились у приличного двухэтажного особнячка. Володя постучал. Открыла женщина в чёрном платке, джинсах и футболке. Володя произнёс несколько слов. Женщина молча повернулась и скрылась в доме. Игорьку она не понравилась, слишком полная и слишком грубые черты лица.

В доме оказалось неожиданно прохладно. В небольшой зале, устланной ковром, на небольшом диванчике сидел лысый человек в галабии, какую носят арабийцы. При виде гостей, человек поднялся, шагнул навстречу, взял в объятия Володю и дважды приложился щекой к щеке. Хозяин сделал гостям знак садиться и неожиданно заговорил по-русски. С едва заметным восточным акцентом.

– Товарищи, хорошо доехали?

– Нормально, – ответил за всех Володя.

– Как еврей?

– Вялые, – снова ответил тот.

– Это они обиженные, что ракеты на них не пустили. Если бы пустили...

– Мы выбрали бы другой маршрут.

– Ха-ха-ха, – рассмеялся хозяин. – Ты, Ильич, любишь шутить.

"Что за Ильич? – подумал Игорёк. – Кликуху, что-ли, революционную взял?"

– Не будем терять времени, – продолжал хозяин, – вы будете завтракать?

– Мы в самолёте поели.

– Что за еда в самолёте? Пфу! – засмеялся хозяин и хлопнул в ладоши.

Появилась женщина в джинсах и футболке. Хозяин распорядился, и она молча вышла.

– Будете кушать, а я буду вас готовить. Ты, Ильич, надолго туда?

– По обстоятельствам.

- А что слышно в Москве – долго Саддам воевать станет?
- В Москве разные слухи ходят.
- А какой слух самый слышный?
- На кого ещё работаешь, Фархад? – вкрадчиво спросил Володя и улыбнулся.
- Э-э, шутишь, дорогой, – смешался хозяин. – На кого здесь можно работать? Всё огородили, стену строят. Всё разбомбили... Так, мелкие заказы...
- Ничего, тебе обломится, уже скоро.
- Да? Буду ждать...

Игорёк из разговора не понимал ничего, кроме того, что разговор самый что ни на есть шпионский.

Володя обратился к товарищам:

- Паспорта.

И сказал Фархаду:

- Нужна иорданская виза.
- Зачем? – удивился тот.
- Нам нужен иорданский канал.
- Для тебя, Ильич, всё будет.

Вернулась женщина и позвала откусать, что Аллах послал этому гостеприимному дому.

Обед был накрыт в дворике, в саду. Фонтанчик, пальмы и кусты с яркими красными цветами.

На двух обычных, "кафешных" столиках в обычных одноразовых тарелках разложено было гастрономическое изобилие. Голубь, вымоченный в молоке и обжаренный в сухариках на оливковом масле. Нежнейшая баранина с черносливом и миндалём. Рыба в маринаде из корней сельдерея и зелёной петрушки, хрустящая, равномерно обжаренная рыба, приправленная толчёным чесноком и лимонным соком, присыпанная натёртым хреном. А ещё – кофту, то бишь, рубленые бараньи котлетки, а ещё – маринованная говядина на гриле. Печёные баклажаны. Роскошный суп-пюре из помидоров, риса и сладкого перца. Душистые лепёшки и прохладный чай каркадэ в высоких кувшинах.

Конечно, наедаться перед опасным путешествием не стоило. Но разве тут удержишься? Да и Серёга не отставал от Игорька. И только Володя ел мало.

– Что там наш предатель? – озаботился Володя, когда с трапезой было покончено. – Поглядим.

Фархад выглядел озабоченным. На столике перед ним лежали их паспорта, визитная карточка, кредитка и плотный конверт без адреса.

- Рассказывай, – сказал Володя.

– Визы проставил, кредитная карта и конверт для Камалы. Держит гостиницу в Эз-Зарке. Визитка – нашего министра безопасности. На границе покажете – пропустят. Но бакшиш лучше всё равно дать. Так, маленький совсем.

- Камаль – араб?

- Курд. Хороший человек. Коммунист.

- Может, и хороший. "Цепочку" он продолжит, или знаешь, кто там дальше?

- Вай... Откуда я знаю? Я маленький человек, ты же знаешь, Ильич.

– Ты – уважаемый человек, Фархад. Семья в Америке, в полном порядке. Один счёт в американском банке, другой – в лондонском, третий – в немецком. Чего тебе не хватает? Зачем с евреями пашни водишь?

- Э, брось. Какие евреи? Какие у меня с евреями дела?

- А какие с американцами?

- О, сохрани аллах!

- Почему же тогда твою семью после одиннадцатого сентября не тронули?

– Почему не тронули? Очень тронули. Дочке пришлось сменить школу.

– Это нам известно. Одноклассники замучили, патриоты хреновы.

– Да, би-и-лядь, – блеснул знанием языка Фархад.

– Но, я тебе говорю – нас это не касается. Нам нужен канал, и чтобы, когда к тебе придут друзья из Моссада, ты про Камалю ничего не рассказал.

– Зачем придут? Зачем рассказал? Ничего не рассказал! – стал путать падежи и спряжения Фархад. – Никто не придут!

– Придут. Пару раз звезданут – всё расскажешь. Я вас, арабов, знаю. Нестойкие вы. Курды надёжнее. Это ты прав. Остаётся верить, что дальше Камалю ты и в самом деле никого не знаешь.

Фархад повесил нос, засопел и вдруг, совсем другим голосом, глухо взмолился:

– Не убивай, Ильич. Аллахом клянусь...

– Убивать мне тебя нельзя. А жаль. Евреи из страны не выпустят, или в Иордании перехватят через их полицию, как преступников. Нам криминал ни к чему. Но я в этих краях ещё буду. Сосчитаемся.

– Ты знаешь, я никогда...

– Все когда-то никогда. А потом... Понимаешь, какое дело, инфля серьёзная прошла из Москвы. Заложили нас соратнички. На таможне еврейской как-то легко пропустили, как-то без проблем нас за туристов принимают. Пасут нас, братец. Так что, и к тебе придут. Ты поезжай в Газу. Погости у своих палестинских товарищей. Прямо сейчас и поезжай. Мы туда, а ты сюда. Дольше проживешь, дружище Фархад.

Голос Володи, и без того не знавший оттенков жалости или доброжелательности, стал совсем ледяным. Фархад лишь молчал и блыбал глазами.

– Всё. Что хотел – сказал. Мы уходим, – попрощался Володя.

Серый широко улыбнулся арабу и крепко хлопнул его по плечу.

На улице Володя счёл нужным пояснить Игорьку:

– На самом деле, он самый надёжный из здешних козлов. У него, по крайней мере, прослушки нет, и не кинется стучать семитским братьям. В Газу, конечно, не поедет. Будет ждать здесь. У него же семья в Америке, не может он опустить бледнолицых так нагло. Хочет проскочить между двух огней. Может, я его и не трону. Лучшего всё равно не найти.

Подкатил потрёпанный форд. Водитель в «арафатке», человек Фархада, молча кивнул – садитесь.

Володя не ошибся. Ближе к вечеру Фархада посетили двое из Моссада. Сперва его долго били, молча. Наконец, спросили, куда поехали русские. Фархад ответил, что к такому-то курду. Спросили, с кем ещё должны встретиться русские. Фархад стал божиться сперва аллахом, затем мамой и детьми, что не знает. Его снова долго били. Злобились: почему, сволочь, не сообщил сразу, куда и к кому направились русские? Почему ждал, когда придут и спросят?

Фархад плевался кровью, стонал и хрипел. На прощание контрразведчики пообещали его кастрировать, если ещё раз такое выкинет. "Знай своё место, свинья арабская", – напутствовали и ушли.

В это время форд уже въезжал в иорданский городок Эз-Зарку. Там, на главной улице располагалась гостиница Камалю, двухэтажное здание. Заведение сонное, об успехах цивилизации в нём говорили лишь стеклянные входные двери, да кондиционеры на окнах.

Володя, перейдя на английский язык, спросил грустного портё в галабии, где хозяин. Портё вяло глянул, и пробормотал нечто невнятное.

– Ты мне это брось, – ответил по-русски Володя и продублировал по-арабски и, наверное, что-то ещё добавил, потому что с портё слетела вялость, а взгляд сделался удивлённым.

Портё поднялся из кресла, поклонился и предложил следовать за ним. Серёга подмигнул Игорьку:

– Видал?

Игорёк кивнул. В этом походе от Игорька ничего не зависело, он по-прежнему ощущал себя туристом: привезли, накормили, поселили; завтра повезут на экскурсию. Едешь, слушаешь музыку в плеере и ни о чём не думаешь. Израильские пейзажи не впечатлили: зелёные холмы, сплошные оливы и апельсиновые рощи, аккуратные, неизменно белые, городки с одинаковыми коттеджами, Иудейские горы и Иудейская пустыня за Иерусалимом – каменистая земля безжизненных холмов и скал.

На иорданской таможне оказался смешливый офицер: разглядывая визитку, которую дал Фархад, спросил вдруг, нет ли шоколадных конфет. И, узнав, что нет, весело посоветовал:

– На обратном пути обязательно везите.

Володя сунул ему бакшиш – пятьдесят долларов, и дело было кончено.

Портье привёл их на второй этаж. Там лежали ковры, воздух был свеж – работали кондиционеры. Перед деревянной с резными излишествами, модными в начале двадцатого века, дверью, сделал знак подождать, а сам вошёл.

Из-за двери они расслышали отчётливо произнесённое "инглези". Затем кто-то, должно быть сам Камаль, загудел густым баритоном. Портье вернулся в коридор и мотнул головой, мол, входите.

Володя сунул ему в руку десять динар.

Камаль оказался грузным дядькой, каких можно сколь угодно много видеть на наших рынках, с той лишь разницей, что этот был дома и чувствовал себя не завоевателем, а хозяином. Он сидел, развалившись в офисном кресле, с гримасой презрения на лице; курил сигару и пускал в потолок дым.

– Хочу снять трехместный люкс, – сказал по-русски Володя. – С видом на горы.

Выражение лица хозяина мгновенно изменилось.

– Э, какие горы, дорогой, – ответил по-русски Камаль. – Люкс выходит на торговую улицу.

– Вот, значит, ты какой, товарищ Камаль, – поздоровался Володя.

Камаль широким жестом указал на стоявшие вдоль стены стулья.

– Холодно в Москве? – спросил он.

– Тепло. Весна.

– Эх, – мечтательно вздохнул Камаль. – Какие у вас шлюхи! Боже мой, какие женщины!

– А сюда, значит, ещё не завезли? – спросил Володя.

Камаль фыркнул.

– Где учился? – продолжил Володя.

– В Ростове, на медика. Я – гинеколог! Большой человек. Но теперь – семейный бизнес, эта гостиница. Какой муж пустит жену к гинекологу-мужчине, а? – Камаль расхохотался. – Хотел жениться на русской. Они все шлюхи у вас. Зря не женился. Я – христианин, я могу жениться на русской. Почему не женился, а? Дурак потому что. Здесь ей к кому бегать? Ни к кому! Дурак!

Камаль хорошенько затянулся сигарой. И отложил её в пепельницу.

– Скажи, весёлый человек Камаль, да? – спросил он Володю. – Тебя как зовут?

– Ильич.

– О, знаю Ильича. Ходил в мавзолей. Сухой лежит, жёлтый. Лежит, а как страну держит! – снова расхохотался Камаль, ему, видно, нравилось шутить на русском языке. – Привёз, что надо?

Володя молча раскрыл портмоне, достал кредитную карточку, положил перед Камалем. Тот повертел её перед глазами.

– Швейцария. Дрянная страна. Мелкая. Почему не Германия?

- В Германии проблемы. Евро, стагнация и полицейщина в банках.
- У немцев – порядок. Надо знать – какой бакшиш дать. Какой – кому.
- Это твои проблемы.
- О! Русские. Неправильно у вас ведут дела. Что надо от Камаля? Много надо от Камаля или совсем чуть-чуть надо? На кредитке не написано – сколько.
- То, что прилагается к карточке – после дела.
- И не доверяют. Зачем так? Коммунисты доверяли и проверяли! Я – коммунист! Я за социализм и свободный Курдистан! Я турков ненавижу. Я их могу резать, как баранов. Понял?
- Я тоже умею резать, – заметил Володя, и Камаль мигом угомонился.
- Слушай, дорогой, Камаль всё подготовил. Камаль умеет дела делать. Смотри.
- Он нехотя выбрался из кресла, подошёл к сейфу, долго сопел над замком. Наконец, достал кинжал в украшенных сканью кожаных ножнах. Широкий и кривой. И сложенный гармошкой лист бумаги.
- На. Это – пароль. А это – карта. Где крест – встреча. Отдашь пароль шейху. Получишь, что надо. Что там у шейха, Камаль не знает. Камаль не любит много знать.
- За нами хвост. Ночью могут быть у тебя гости. Знаешь, что делать?
- А, не учи. Я пять лет в горах воевал. Раны зашивал, операции делал. Я – большой доктор! – Камаль важно поднял палец.
- Нет, никого убивать не надо.
- Конечно, никого! Я – пальцем не трону, – он поднял сигару, затянулся. – Камаль скажет, кому надо. Встретят. А там, как бог даст.
- Камаль, не выпуская сигары, перекрестился. Потом набрал номер на мобильном, произнёс в трубку несколько слов.
- Идите поужинать. Машину я вам даю. Не моя. Чистая. Ресторан – напротив отеля.
- Прощай, Камаль. Держи.
- Володя протянул ему конверт с банковскими реквизитами и пин-кодом.
- Камаль с серьёзной миной распечатал конверт, довольно хмыкнул.
- Машину подгонят к ресторану, ключи занесут. Обе стороны довольны?
- Довольны будем, когда в Москву вернёмся.
- Зачем так говорить? Вернёшься, куда денешься.

Они отужинали. Иорданская кухня тоже пришлась Игорьку по вкусу. Суп-крем из чечевицы – огненный, обильно сдобренный и чёрным, и красным перцем, с крошечными чесночными гренками; колбаски из баранины "по-иордански" прямо с решётки-гриля; и на закуску – перец, фаршированный брынзой и яйцами. Выпили местной анисовой водки с пролетающим над минаретом ковром-самолётом на этикетке.

Аборигены мало жаловали анисовое пойло, кроме которого, к слову сказать, из крепкого питья в заведении ничего не предлагалось. Безразличие к алкоголю с избытком компенсировалось кальянами, заряженными гашишной смолой.

Когда вышли из заведения, уже было темно, народа на улицах заметно прибавилось. Арабы общались в мелких кафешках под открытым небом, опять же, курили гашиш, играли в нарды, громко смеялись, и ожесточённо жестикулировали. «Можно подумать, что во всей Иордании нет такого явления, как телевизор», – подумалось Игорьку.

– Обсуждают, – заметил Серёга, – сколько Хусейн продержится.

Игорёк тоже стал различать имя "Саддам", часто и громко произносимое арабами.

– Грузимся, – скомандовал Володя.

Возле припаркованной неподалеку белой тойоты-пикапа стоял давешний порье и постукивал костяшками пальцев по дверце.

За руль уселся Серёга, рядом с ним занял место Володя, а Игорёк развалился на заднем сидении. После сытного ужина, анисовки и конопляного дыма хотелось спать.

"Тойота" покатила на север, в горы. Через час они были на дорожной развязке и свернули на трассу, ведущую на восток, к границе с Ираком.

Через пару часов Игорёк проснулся и обалдело огляделся. Где это он? Что он здесь делает? Со сна вообразилось, что он прежний Игорёк, более того, подросток, двенадцатилетний сопляк, бегающий в музыкальную школу, гоняющий в футбол во дворе, робко заигрывающий с одноклассницами, завидующий более смелым одноклассникам, позволяющим себе дёргать девочек за косички, подкладывать на сидения парт кнопки и лихо вышибать портфели на переменах.

Он глядел на затылки попутчиков, на крепкие, пугающие плечи и не мог вспомнить, что это за люди и куда его везут. Ему казалось всё безнадежным, он потерялся и никогда больше не найдёт дорогу домой, где футбол по вечерам и нудные домашние упражнения на фоне.

А за окнами машины расстилалось безжизненное марсианское пространство. После недавнего хамсина воздух ещё не успел сделаться прозрачным, и лунный свет, пробиваясь сквозь пыль, становился красным. От этого пески казались угрюмо-багровыми.

Игорёк закрыл глаза и стал выуживать из памяти всю нить событий, приведших его в Сирийскую пустыню. События под полуночным углом зрения представлялись нелепыми, дикими, придуманными. Казалось, что можно напрячься и вспомнить подлинные события, несомненные, с логичными поступками и рациональными мотивами. Но ничего не выходило. Измученный Игорёк, наконец, согласился в очередной раз признать себя бессмертным, но как он оказался в этой машине, ради чего он чешет в Ирак? Зачем покинул Артемия и Москву, «Москву-раскладушку», как он её называл?

Он чувствовал, что его безнадежное путешествие никогда не закончится. Эта дорога, не имея цели, не имеет конца.

– Не спится? – не оборачиваясь, спросил Володя.

– Да что-то... – промямлил он.

– Что-то ты вялый, – заметил Серый. – Медитируешь?

– Мужики, а зачем мы в Ирак-то прёмся?

– Пострелять, – хмыкнул Серый.

– Умереть как герои, – сказал Володя.

– Нет, серьёзно?

– Что может быть серьёзней смерти? – бесцветным голосом спросил Володя.

Игорёк стал размышлять о том, что же может быть серьёзней смерти. Выходило, что серьёзней смерти ничего и нет.

– Мужики, горло бы промочить, – попросил он.

– Сумка у тебя в ногах.

Игорёк нащупал сумку и добыл из неё банку пива.

– А вы?

– Успеем.

Игорёк сделал несколько жадных торопливых глотков.

Уже учился он в музчаге, и бегали они всей компанией пить пиво в соседнее заведение под названием "Яма". Там вдоль стен тянулись столы-полки, так что приходилось сидеть лицом к стене, искарябанной похабными надписями, среди которых были перлы и его авторства. Игорёк гордился двумя своими автографами: "Лучше перебздеть, чем недобдеть", и "Талант можно пропить, гениальность – никогда!" Они же все были гении! И все девушки были их. И все деньги были их, и сами плыли в руки. Отлабал на свадьбе – получай, Моцарт, свой полтинник. Сказка!

На четвёртом курсе зачем-то женился. Через полгода зачем-то развёлся. Развёлся, вздохнул облегчённо и решил больше не искушать судьбу женитьбой. Воля – она дороже. Долго старался поддерживать приятельские отношения с бывшей супругицей, можно сказать, из кожи лез. "Мы же цивилизованные люди", – думал он, и ему казалось, что остальные тоже думают так и одобряют. Как выяснилось – не все.

Положила на него глаз подруга бывшей "половинки". Хорошая вроде бы девочка. В каком-то министерстве бумажки перекладывала и поэтому считала, что всё про жизнь знает. Как-то раз спросила: "А чего ты за своей бывшей бегаешь?" "Ну, мы же цивилизованные люди", – ответил Игорёк, и тут же получил затрещину: разговор происходил в постели.

А ещё был у него приятель, тёзка, тоже Игорь. Ювелир. В школе за одной партой сидели, и частенько тот у Игорька списывал. Общие интересы, увлечения. Организовали в школе рок-группу "Ритм", – это дубовое название подсказала завуч по учебно-воспитательной работе, заверив, что никакого западного названия не допустит. Приятная в чём-то была женщина, но стерва. В рок-группах тёзка разбирался лучше Игорька, потому что его папик, поляк с родственниками в Польше, привозил оттуда новейшую "фанеру". А тёзка толкал «налево», что за пятьдесят рублей, а что и за сто. Любимые "флойды" шли как раз по столынику. А ещё тёзка размножал всё это на бобины, и тоже имел твёрдый профит. У него был крутой бобинник, "Акай", трёхмоторный, с реверсом и тремя же головками; кто ещё помнит, что это такое – тот прослезится. Пять тысяч стоила такая машина, по цене нового "Москвича". Блин, были же радости жизни! И почему так устроено, что человек должен становиться взрослым, искать чего-то, а найдя, не знать – приобрёл или потерял. Тоска.

Тёзка погиб в Афганистане. Нелепо, в последний год войны. И попал он туда нелепо. Вроде бы успешно откупался от армии, и вдруг вышла ссора с любовницей военкома, тёзка же не знал, чья она любовница. Из-за какой-то побрякушки, подробности для Игорька остались неизвестны. То ли не так сделал, то ли обжулил, вместо бриллиантов поставил в сережки фианиты – в общем, освободил тёзка свой организм в оговоренный завхозом-Теодорихом срок.

А как боялся Игорёк загреметь в армию! Какой животный страх. Чего он только не делал, как только не "косил". И в дурдоме лежал. И в инфекционной больнице. Когда погиб тёзка, подумалось, что тот погиб вместо него. Ходил чумной, переживал, всё дружан снился, почему-то с бас-гитарой, на которой играл в школьной рок-группе. Но потом Игорёк всё-же выправил "белый билет" – не обошлось без помощи бабушки, – и успокоился.

Вот как заставить себя не бояться? Как? Эти двое – ничего ведь не боятся. К чёрту в пекло лезут. Может, и он полез, чтобы убить страх, впрочем, кажется, он об этом уже думал, да что с того?

Ну не будет он бояться, дальше что? Что ему надо от бессмертия-то?

Хорошие вопросы приходят в голову ночью посреди пустыни. Выйти бы из машины и обратиться к небесам...

А в ответ явится какой-нибудь Теодорих, Второй или Третий-Десятый, ангел смерти в образе завхоза. И скажет: – «Мы там, а ты здесь. Сам так захотел. Ни к чему теперь на небо засматриваться». Похоже, отрезанный ломоть ты, Игорёк. И не с людьми, и не с этими долбаными правителями Вселенной.

Эх, убить бы какого-нибудь, американца там, что ли. Чего это они наглеют, суки? И вообще...

Игорёк покрутил пустую банку, опустил стекло, – ворвался неожиданно холодный ветер, – и вышвырнул в «марсианское» пространство.

– Нервничаем? – осведомился Володя.

– Дела захотелось, – рассудил Серый. – Руки чешутся. Я этот зуд знаю.

– Да скорей бы уже что-нибудь произошло.

– Ты так больше не говори, клавишник, – заметил Серый. – Когда происходит – это всегда плохо. Всё должны делать мы, а происходить должно у них.

– Ещё наиграешься, пианист, – негромко сказал Володя.

Наконец, они въехали в рассвет.

– Перекур, – объявил Володя, и Серёга остановил машину.

Вышли, размяли ноги. Хорошо: рассвет, тишина, розовые блики на песке, ветер стелется, словно кроткая собака льнёт к земле.

Игорёк потянулся, зевнул и стал делать наклоны и приседания. Серый в это время расставлял на капоте захваченные из ресторана судки с остатками иорданского ужина.

– Так-то, братуха, – обронил он, – на сто километров ни души. Зато там, – он показал ножом в небо, – висит вражеский спутник и фотографирует, как мы тут жрём. Если хочешь срать – сри прямо здесь, пускай враги нашего дерьма насмотрятся.

С этими словами он вышел на середину трассы и помочился.

Игорёк глянул на Володю.

– Фотографируют, – подтвердил тот. – Привыкай, боец, обходиться без биотуалета.

– Они, что же, знают про нас?

– Знают. Сейчас шесть, светает, самое время нас долбануть. Так что давай, оправляйся, порубай, и будем готовиться к приёму гостей.

– Здесь? – опять удивился Игорёк. – В пустыне? Откуда они возьмутся?

– С неба упадут. Вертушкам что сто, что двести кэмэ – один хрен, – бодро доложил Серый. – Давай, чего стоишь, шевелись.

После завтрака Серый с Володей облачились в жёлто-коричневый камуфляж и стали готовить оружие к бою. Наверное, Камаль озаботился, загрузил полный багажник. У них здесь, на востоке, видимо, с оружием просто. Игорёк всегда мечтал иметь настоящий пистолет, немецкий: "беретту" или "вальтер". Но боялся нелегально хранить, а оформлять официальное разрешение – жалел денег и времени.

Товарищи уже расчехлили два гранатомёта, пару ПЗРК "Игла", извлекли три "калаша" с кучей запасных рожков.

– Мужики, а откуда вы знаете, что нас прямо здесь?.. – всё недоумевал Игорёк.

– Жилет надевай, – сунул ему бронезилет Серый.

– Да?

Ему в который раз стало страшно. Но уже проверенным способом пересилил страх: вспомнил, что он – неуязвимый бессмертный.

– Да мне вроде, как и не надо...

– Смотри сам. – сказал Серёга. – Или у тебя астральный щит?

– И потом, будет неудобно, движения сковывать... – продолжал Игорёк.

– А ну, тихо, – прервал Володя.

Они умолкли, прислушиваясь. В шелест ветра вплеталась какая-то чуждая мелодия. Тихая, однотонная. Володя взял бинокль и стал осматривать горизонт.

– Раз, два, три. Не уважают. Серый – гранатомёты твои, минута, чтобы закопаться.

– Понял, – делово ответил Серый, швырнул как жерди на плечи оба гранатомёта, подхватил сапёрную лопатку и рысью бросился за обочину.

Володя сунул Игорьку автомат и со словами: "Будешь вести огонь отсюда", – уложил Игорька под машину.

– Когда машину разнесёт, ты постреляй, им страшно станет. А пока не высовывайся.

После этого он подготовил один ПЗРК к бою и положил на крышу машины, а второй, тоже зарядив, взял в боевое положение. На голове его уже красовался шлем с индикатором захвата цели. Он отошёл от машины и замер, как статуя.

Раздалось "ш-ш-ш" и сразу же громынуло, ракета с коротким рёвом ушла на цель.

Игорёк вспотел и высунулся из-под днища. Совсем близко три брюхастых вертолёт на бреющем неслись над песками, разбрызгивая во все стороны тепловые ловушки.

Первая ракета ушла влево, погнавшись за ложной целью.

– Бывает, – хладнокровно прокомментировал Володя, снимая с крыши вторую "Иглу".

Он снова отошёл, быстро прицелился, выстрелил.

Вертолёты снижались. Возле одного вдруг сверкнуло, раздался грохот, вертолёт подскочил и с боковым креном ухнул в песок. Остальные, зависнув, выбросили сверкнувшие на солнце нити десантных тросов, и по ним заскользили к земле бойцы в камуфляже.

Володя взял с багажника "калаш" с подствольником и, нисколько не прячась, присел на колено.

Частыми резкими хлопками со стороны противника пошла автоматная дробь. Перед носом Игорёка сверкнули искры, в глаза сыпануло пылью: пули били о бетон дороги. Затем как кувалдой ударило в Тойоту, раз, второй, третий. "Самое дурацкое место", – подумал Игорёк. Вылезать команды не было, он, выставив автомат, зажмурил глаза и нажал на спуск. Ствол подкинуло и стукнуло о днище. Заложило в уши. "Чёрт, крепче надо держать". Игорёк вылез наполовину из-под машины, сжал что есть мочи цевьё и стал палить короткими очередями.

Из-за обочины, где окопался Серый, раздался отчётливый хлопок. Затем второй. Застрошил автомат Володи. А в "Тойоту" прилетела вражеская граната, да не одна, а сразу три, видимо, палили из кассетного гранатомёта. Машину, как и предсказывал Володя, разнесло, а Игорёк на какое-то время совершенно оглох. И словно спиртом окатили. Горела одежда на спине, на ногах, горели дорогие кроссовки «Найк». Игорёк стал выбираться, но его придавило обломками несчастного пикапа. Игорёк собрался с силами, – не даром же столько денег на спортзалы угрохал, – и выдрался. То, что одежда на нём горит синим пламенем, он обнаружил только, когда встал на ноги.

"Вот суки", – обиделся он и двинул вперёд, в атаку, уже ничего не соображая. Он орал что-то невнятное, тонким, козлиным голосом. И короткими шажками бежал на залегших в песке врагов, не видя, сколько их, не ведая, как будет с ними разбираться. Неподалеку обнаружился Володя, он тоже шёл в атаку. Серый сзади поддерживал огнём.

Ракета, сорвавшаяся огненным плевком с вертолётной подвески, не заметив препятствия в виде кевраловых пластин бронезилов, вошла прямёхонько в грудь Володи, да там и исчезла. Сквозь Игорёка лихо проскакивали пули тяжёлых снайперских винтовок.

Бойцы неведомого спецназа спешно отступали к вертолёткам. Те припали к самой земле, подняв вокруг, словно дымовую завесу, тучи песка. Бой был завершён. Напоследок Володя с чувством полоснул из автомата, выпустив враз целую обойму, и запрыгивавший последним десантник упал обратно в песок. Вертолёты круто взяли вверх и в сторону, отплёвываясь патронами тепловой защиты.

– Прощайте, друзья, – напутствовал их Володя.

Игорёк жадно хватал воздух ртом.

– Что, лёгкие пожёг? – спросил Володя.

Игорёк непонимающе глянул. Он не помнил, как оказался "в поле". Ведь вроде бы только что лежал под Тойотой, как таракан в той щёлке.

Володя, между тем, изучал результат боя. Подошёл Серёга и, отряхивая с камуфляжа песок, похвалил:

– Красиво попёр, клавишник. Я знал, что в бою ты крейзанутый. Ты это, яйцами не свети, пойди там, сними с кого-нибудь штаны, у кого не мокрые.

– А? – не понял Игорёк.

– Не "га", а пойди оденься. На тебя сейчас весь Генштаб государства Израиль любит, а ты даже не обрезан! – Серый расхохотался.

– Да, действительно, – подтвердил Володя. – Нас атаковал Сайерет Маткаль.

– Ого! – уважительно заметил Серый.

И пошёл ворошить трупы.

– Гляди, чисто срезало, твоя работа, Володя, – Серый перевернул тело у которого пол- черепа как не бывало. – Костюмчик не попачкан, давай-ка я тебя, милоч, раздену, тебе оно уже ни к чему, позагораешь на солнышке. Тут тебе, конечно, не Средиземное море, не Хайфа какая-нибудь, ну да ничего, стерпится-слюбится.

У Сереги начался словесный понос: обычное дело после драки, в которой заранее не знаешь, кто кого, и всё заканчивается прежде, чем успеешь испугаться.

– Закури и замолчи, – бросил Володя.

Игорёк наступил на труп с растёкшимся по комбезу коричневым пятном крови; рука у мертвеца была оторвана и держалась на лоскуте кожи. Лицо было повернуто вверх, глаза, выскочившие из глазниц, лежали на скулах, как две огромные слезы.

Игорёк убрал с мёртвого десантника ногу и пошёл обратно к машине.

– Эй, чудак, штаны держи. Новенькие. Как на парад шли ребята.

Серёга зло хохотнул.

– На, хлебни, – Володя сунул Игорьку под нос флягу.

Игорёк механически принял её, бездумно хлебнул и с внезапным удовольствием отметил, как жидкость обожгла нёбо и горло.

В голове прояснело. Он обернулся к Серёге.

– Давай штаны. И в самом деле, как-то неловко. Какая-то тошнотворная додекафония и обнажёнка вместо коды.

– Ну, раз шутишь, значит, нормалёк, с победой, – Серёга бросил ему штаны.

Игорёк подхватил их.

– Куртку давать?

– Нет, с трупа не хочу, хватит и штанов.

– Ну, как хочешь.

– А что с машиной? На чём теперь поедем?

– Ситуация штатная. Будем голосовать, – беззаботно ответил Серый. – Автоматами.

– Мужики, а кто это был? – спросил Игорёк.

– Тебе ж сказали, Сайерет Маткаль. Элитное подразделение спецназа израильского Генштаба.

– И вот это мы их?..

– А чё делать? – пожал плечами Серый. – О, кажись, авто. Володя, можно я тормозну?

– Действуй, – санкционировал Володя и уселся на обочине, поставив автомат между колен. – Садись, Игорёк, отдышись. С боевым крещением.

– Володя, а я кого-нибудь убил?

– Не видел.

– И я не видел.

– Понравилось воевать? – спросил Володя.

– Не знаю. Трупы, боюсь, долго перед глазами стоять будут.

– Жалко?

Игорёк пожал плечами.

– Тогда не свисти. Пошли садиться.

Серый ласково отгеснял семью арабов от их небольшого джипа "мицубиси". Молодой мужчина потрясал своим "калашом", мол, не суйся, могу погубить, и что-то быстро говорил. А Серый отталкивал его пятернёй в лицо, автомат его был наведён на семью араба: женщину в парандже и двух девочек лет десяти-одиннадцати.

Володя на ходу передёрнул затвор, произнёс короткую фразу на арабском, и мужчина мгновенно сник.

Серый забрал у него автомат, тот отдал без сопротивления.

– Садимся, – скомандовал Володя.

– А как они тут? – озаботился Игорёк.

– Автобус ходит. Раз в два дня.

– Да они щас такой трофеей соберут – на два джипа наторгуют, – успокоил Серый.

Тронулись. Володя бросил в окно долларовую сотенную купюру.

"Хомоед им бы целую пачку отвалил, – подумал Игорёк, блаженно откидываясь на заднем сидении. – Оказывается, война – это интересное дело».

4

Володя гнал по трассе на предельной скорости. Видавший виды джип подпрыгивал и дребезжал.

Игорёк отдыхал. Он был доволен собой. Зря боялся, что не хватит духа убить человека. В бою, оказывается, на той стороне человек нет, а есть мишени, всё равно, что картонные человечки. Вдоволь налюбовавшись собой, Игорёк пришёл к выводу, что победа одержана благодаря его беспримерному мужеству. Это он рванул в полный рост на врага, чем привёл того в замешательство и посеял в его рядах панику. Так и следует воевать!

Наконец, Игорёк задремал.

Проснулся оттого, что джип рычал двигателем и сползал в кювет, сильно кренясь на правый борт. Да там, на съезде с трассы и замер.

Володя сказал, что есть две минуты на opravку. Игорёк глянул на часы: часы, оказывается, были разбиты вдребезги. Он неуклюже выбрался из джипа, недоумевая, зачем было ставить машину с таким креном. Потом вылез Серый. Отошёл подальше, постоял, потом вернулся и, вместо того, чтобы садиться назад, в машину, полез под днище. Володя протянул руку и захлопнул дверцу. Завёл двигатель, погазовал минуту-другую, и джип вырулил обратно на трассу.

Теперь ехали не спеша. Можно сказать, ползи. Игорёк в недоумении обернулся – где там Серый. Но никакого Серого не увидел. Тот как сквозь землю провалился. Зато небо, с утра безоблачное, стало быстро затягивать серой мутью.

– Готовься, Игорёк, сейчас нас уничтожат, – сообщил Володя. – Будут мстить за своих. Око за око.

Игорёк покрутил головой, недоумевая, откуда явятся мстители. А потом перед глазами сверкнуло яростным огнём, и он куда-то полетел.

Он лежал, уткнувшись лицом в песок. Перевернулся на спину и увидел мутное небо: ветер, ещё недавно дувший лёгким зефиром, обрёл силу и поднял тучи пыли.

Раздался голос Володи:

– Можешь вставать. Первый этап операции успешно завершён. Противник вычеркнул нас из списков живых.

Они выбрались на трассу. На месте джипа зияла внушительная воронка. Повсюду были разбросаны куски обгоревшего, искорёженного металла. Штаны на Игорёке на этот раз каким-то чудом уцелели, наверно, были пропитаны водонепроницаемым и термозащитным составом. Володя же выглядел как огурчик, словно только что появился на месте события, из любопытства.

– Сейчас Серёга подойдёт, и двинем на точку. Здесь недалеко, не больше пятнадцати километров.

– Это песчаная буря? – спросил Игорёк, вспоминая последние телерепортажи из Ирака.

– Согласно прогнозу. Всё просчитано, по-другому не работаем.

– Что это было? Шарахнуло так...

– Две ракеты класса "воздух-земля". Выпущены с борта истребителя F-17 израильских ВВС.

– А-а... – только и сказал Игорёк. – Серёгу ты, значит, спрятал.

– Соображаешь.

– Ты, значит, тоже бессмертный?

– Нет, просто неуязвимый.

– А Серёга?

– Серёге повезло меньше. Серёгу нам беречь надо.

– А-а, – снова сказал Игорёк.

– Тебя ветер не беспокоит?

– Да нет, вроде, – пожал плечами Игорёк.

– Хорошо.

Они сели с подветренной стороны обочины и стали ждать. Наконец послышался знакомый голос. Серый громко матерился, поминая всех империалистов мира и проклятую песчаную пыль.

– Иди сюда, – окликнул его Володя.

– Дует – зашибись, – сказал Серый, усаживаясь рядом. Лицо его было закутано какой-то тряпкой, видны были только глаза.

– Это ещё не буря. В бурю не походишь. Ветер – то, что нам надо. Спутники ослепли, а мы пройдем. До ночи надо добраться.

– Морды замотайте, – посоветовал Серый.

– Мне плевать. А у Игорька нет тряпки.

– Держи мою майку, – Серый снял майку и потом надел куртку уже на голое тело.

– Пить хочется, – пожаловался Игорёк.

– Держи, – Серый отстегнул флягу. – Смотри, всё не выпей.

Когда Игорёк напился и повязал майку, они двинулись в глубь пустыни, на северо-восток. В направлении деревушки Аль-Фаиды.

Дорога заняла не менее пяти часов. Наконец, под ногами возник суглинок, идти стало легче, они пересекли зону сплошных песков. Чем дальше, тем больше попадалось растительности.

Игорёк еле волочил ноги. Горелые кроссовки полны были песка.

По правую руку возникли силуэты строений: полукруглые формы, словно дома состоят из одних выпуклостей. Вокруг этих строений рос кустарник, его тощие ветви мотало на ветру. Других признаков присутствия человека не было.

Игорёк решил, что им как раз туда, но Володя вёл дальше.

В наступающих сумерках, – впрочем, из-за туч пыли сказать, закат ли уже, или нет, было трудно, – они добрались до озера, ещё не успевшего пересохнуть после зимы.

На берегу стояли шатры, скорее напоминавшие армейские палатки. Диверсантов окликнули. Из клубов пыли возник старик со штуцером, здоровенной тяжёлой винтовкой начала двадцатого века. Володя выступил вперёд и сказал что-то, из чего Игорёк понял только "салам". Старик кивнул и показал на большой шатёр о шести кольях, стоявший в центре кочевья.

Приказав спутникам подождать, Володя скрылся в этом шатре. Через некоторое время они вышли вместе с шейхом, мужчиной средних лет, в халате, белых штанах, полным, бородатым. Володя что-то говорил шейху, а тот довольно смеялся. За поясом у него небрежно был заткнут давешний кинжал. Володя мотнул головой, мол, давайте за нами. Шейх здороваться не стал, лишь глянул вскользь, и повёл Володю к одному из шатров.

Там горела электрическая лампочка, видимо, в кочевье имелся дизельный генератор. Шатёр оказался гаражом: в нём помещался американский армейский джип «Хаммер» с пулемётом на раме. На сиденьях лежали комплекты американской же формы, рядом с машиной на

вытертом ковре стояли ящики с оружием, боеприпасами и провиантом. Тут же громоздились ящики с подписью: «Danger! TNT».

Володя открыл бардачок, достал оттуда пакет с документами.

– Так. Сержант Бредли, получите удостоверение, – сообщил он Серому. – Так, сержант Гоулушко, ваши документы. И мои, командира отдельной разведывательной группы, капитана Ричарда Джей Лонгфеллоу. Переодеваемся, грузимся и – второй этап операции.

Шейх, казалось, не собирался уходить. Он с интересом наблюдал за перевоплощением диверсантов в американских джи-ай: человек присутствовал на представлении, редком в его краях. Он поглаживал рукоять кинжала и был чрезвычайно доволен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.